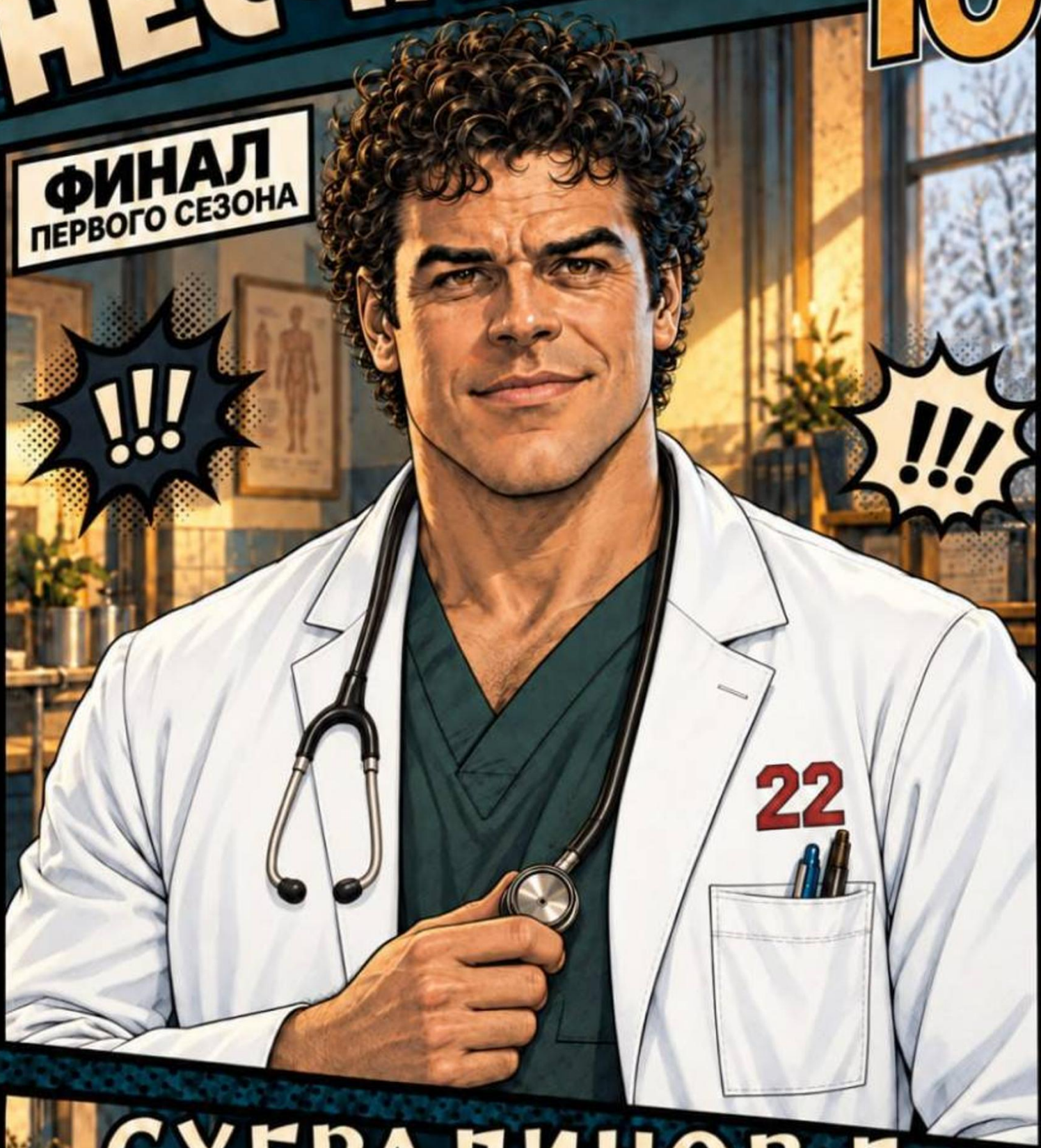
ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 16

ФИНАЛ ПЕРВОГО СЕЗОНА

СУГРАЛИНОВ Д. ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 16

«Автор»
«Автор»
2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 16 / Д. Сугралинов — «Автор», «Автор», 2026

В общем, «сказочке конец, а читатель — молодец». Дубль 2.Чтобы окончательно расставить все точки над «е», Сереге нужно закрыть несколько важных вопросов: разобраться с санаторием, выяснить, зачем в его жизни появилась бедолага Алиса, что за силы заинтересованы в его научных проектах, — а главное — понять, чего же от него хочет Система.Ну и остальное, по мелочи: наказать врагов, помочь друзьям, провести время с красивой женщиной.Но что-то в этот раз Система явно чудит

© Сугралинов Д., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Фонд А.
Двадцать два несчастья. Книга 16

Глава 1

Ровно в девять утра я подъехал к дому Кирилла Захаровича и Антонины Тимофеевны, родителей покойной Серегиной жены Наташи.

Первым вышел Кирилл Захарович с сумкой. Поздоровавшись и забросив ее в багажник, он уселся рядом со мной. Антонина Тимофеевна, которая семенила сзади, бережно несла пакет. Я хотел выскочить и забрать, но присмотрелся: пакет был легкий, в нем лежали желтые цветы на могилку. Умостившись на заднем сиденье, она аккуратно поставила пакет рядом и беззлобно проворчала:

— Ты хоть позавтракал?

— Ага, успел, — ответил я, выруливая со двора.

— Ой, знаю я тебя, все ты врешь, — недоверчиво фыркнула она, достала завернутый в пакетик бутерброд с куриной отбивной, развернула и протянула мне: — На вот, держи.

Честно говоря, у меня от этого жеста аж комок в горле встал: вчера она считала меня мерзавцем, практически убийцей ее дочери, а сегодня уже отбивными от души кормит. Простила, значит, Серегу…

От этой мысли настроение поднялось, и я еле сдержался, чтобы не улыбнуться.

Пока мы ехали, Кирилл Захарович вспоминал, как настоящий Серега буквально разваливался после смерти Наташи.

— Эх, как же было тяжело смотреть, — вздохнул он. — Ты же бухал, играл, избегал нас.

Антонина Тимофеевна с застарелой обидой добавила:

— Мы же думали, тебе плевать на нас.

— Нет, — сказал я. — Как раз наоборот.

Дальше я ехал, смотрел на заснеженную дорогу, серую по обочинам, на поток равнодушных машин и думал: а что, если казанский Серега вовсе и не был слабым человеком? Если он просто не сумел пережить смерть Наташи? Она ведь тогда пожалела измученного после смены мужа и не стала его будить, когда ей было плохо. А Серега потом годами жил с этой чудовищной мыслью: а вот если бы он тогда проснулся, Наташа с ребенком остались бы живы. И впервые за все время я испытал к тому казанскому Сереге, в чье тело попал, не привычное снисходительное раздражение, а жалость, почти до слез.

Наконец мы приехали на кладбище. Высокие клены печально качали голыми ветками, откуда-то со стороны реки дул назойливый ветер, и вокруг было пустынно. Мы остановились около бокового входа: родители Наташи сказали, что отсюда ближе. Снега за эти дни выпало столько, что дорожку замело выше колен, и я со вздохом открыл багажник и вытащил лопату. Хорошо, что она у меня всегда с собой. Жизнь в Моркинском районе приучила.

Недолго думая, я принялся расчищать дорожку. Кирилл Захарович за спиной что-то покрякал, предлагая помощь, но звучало это крайне неубедительно, и я молча продолжал чистить. Я опасался их реакции на то, что не знаю, где могила Наташи, но Антонина Тимофеевна сама скомандовала:

— А теперь налево и вон туда, до той березы.

Я послушно начал пробивать дорогу налево, и вскоре мы стояли возле засыпанного плотным снегом сиротливого холмика, из которого у изголовья торчал крест с обветренным блеклым веночком. Маленькая покосившаяся оградка кое-где выглядывала из-под заносов. Я осмотрел ее, тронул — она сразу же зашаталась. Кирилл Захарович, переживая, спросил:

— Как ты думаешь, поменять можно?

— Весной поменяем, — твердо ответил я.

Антонина Тимофеевна шумно, с облегчением вздохнула и переглянулась с мужем. Дальше мы некоторое время просто стояли. Я даже не знал, что сейчас надо говорить, так что молчал, склонив голову.

Антонина Тимофеевна поплакала, попричитала, поменяла цветы на могилке. Кирилл Захарович кусал губы, крепился, хотя глаза были на мокром месте. Затем они привязали к кресту новый венок и отошли к соседней могиле, где был похоронен какой-то их дядя.

Я остался один.

Нелепая ситуация: передо мной была могила женщины, которую я никогда не знал. Я стоял и ждал, что хоть тело Сергея как-то среагирует, сердце екнет, но ничего этого не было. Выходило что-то совершенно страшное, экзистенциальное: я, Сергей Епиходов, стою у могилы собственной невесты, почти жены, которая никогда моей невестой не была.

И я задумался о своей смерти, о том, как очутился в этом теле, и уже не в первый раз спросил себя: а почему со мной это случилось?

Почему именно Епиходов?

Слишком уж сложной и неслучайной становилась эта случайность. Вот почему врач оказался в теле врача? И почему Сергей Епиходов — в теле Сергея Епиходова? Почему меня занесло именно в тело человека с разрушенной жизнью? Почему рядом теперь постоянно возникают люди, которым нужен второй шанс, и дать его могу только я? Танюха, Брыжжак, Райка, Смирнова, Борька, Лапин, Елисей и даже Алиса. Да и не только люди, те же Валера, Пивасик… Ведь в первой моей жизни такого никогда не было!

Я тихо задал этот вопрос в никуда, но ветер, который периодически швырял в лицо горсти мелких колючих снежинок, ничего мне, конечно же, не ответил. И тут я обратил внимание, что на кресте Наташи есть эпитафия: «*Пока мы помним, ты жива*». Машинально коснувшись букв, я внезапно увидел строчку Системы. Это была не награда, не новый талант и не задание. Просто на секунду перед глазами возникло странное сообщение:

Обнаружен объект с высокой причинно-следственной связью с биологическим носителем.

Я замер. Такого раньше никогда не было!

Торопливо коснулся надписи еще раз. Ничего. Ну ладно, я человек настойчивый. Коснулся снова. Опять ничего. Какая-то странная дичь получается. Выходит, Система считает Наташу связанной со мной, хотя я, попаданец, академик Сергей Епиходов, эту Наташу никогда даже не встречал. Значит, речь идет либо только о теле, об этом казанском Сереге, либо о чем-то значительно большем.

Только вот о чем?

И как раз в этот момент вернулись Наташины родители. Они молча встали поодаль, видимо решив, что я мысленно разговариваю со своей умершей женой. Точнее, с женой того бедолаги, Сереги.

Следом к нам сбоку подошла какая-то женщина.

— К Наташеньке пришли? А я вот к Паше.

Я видел ее впервые и запросил у Системы профиль.

Мельник Софья Леонидовна, 58 лет
5-й уровень социальной значимости.
Отношение к носителю: Враждебность.
Сокрытое: Вина.

Биологический возраст: 65 лет.

Соня Мельник, мать Пашки. С враждебностью все было ясно, меня еще дядя Веня предупреждал, что в гибели сына она винит Серегу. А вот что за вину она прячет?

Лица у родителей Наташи мгновенно напряглись. Кирилл Захарович побагровел.

Женщина непонимающе смотрела на них. Тогда Кирилл Захарович, человек, как я понял, довольно резкий, выкрикнул прямо, не подбирая слов:

— Соня, мы знаем, что это все Пашка сделал! Мы видели время в протоколе вскрытия, там между поступлением Наташи и операцией прошло сорок пять минут, и это сделал твой Пашка! Мы копию протокола видели!

У женщины буквально подкосились ноги, и она без сил опустилась прямо в снег. Обхватила себя за плечи, и ее начало мелко-мелко трясти. Раскачиваясь, она тоненько, на одной ноте, завыла.

Я понял, что сейчас две семьи, похоронившие детей, начнут уничтожать друг друга прямо у Наташиной могилы.

— Перестаньте, — резко сказал я. — Мы можем еще двадцать или тридцать лет выяснять, кто виноват больше, только ни Наташе, ни Паше от этого лучше уже не станет.

Женщина поднялась, отряхнулась от снега и посмотрела на меня, прищурившись:

— А тебе?

— Мне тоже.

Где-то на дереве громко каркнула ворона.

Мы все вздрогнули.

Через несколько минут, когда женщина чуть пришла в себя, а Наташины родители перестали закидывать ее обвинениями, Антонина Тимофеевна достала из сумки термос, налила чаю в крышку и сунула ее Соне в руки. Вскоре мы вчетвером плечом к плечу стояли возле небольшого деревянного столика между могил, пили горячий чай и тихо разговаривали.

Соня вся буквально тряслась. Она жадно, большими глотками пила горячущий чай и даже не замечала, что обжигается.

— Понимаете, — поминутно срываясь на плач, причитала она, — ведь да, я что-то такое всегда чувствовала. Он однажды пришел ко мне совершенно пьяный, Пашка мой, и постоянно повторял: «Я ее убил, и Серегу тоже я убил». А я, дура старая, решила, что это он про твою разрушенную жизнь.

Она кивнула на меня.

— Но потом он сказал: «Если можно было бы вернуть ему жизнь, я бы свою отдал». Я думала, что это пьяная истерика.

Она зарыдала.

— Не плачь, Сонечка. — Антонина Тимофеевна, мать жертвы, обнимала и успокаивала мать убийцы своей дочери.

— Ладно, пойду я, — глухо сказала та, немножко придя в себя и сунула пустую крышку от термоса в руки Наташиной матери.

Я смотрел, как она шаркающей походкой медленно уходит вдаль по кладбищу, за эти несколько минут постарев лет на десять, и чувствовал, как же мне жаль эту бедолагу.

И в этот момент перед моими глазами развернулась Система:

Выявлена незавершенная социальная связь.

Условия доступа не выполнены.

Сообщение исчезло мгновенно, а я напрягся: второе непонятное окно за одно утро. Похоже, Система чего-то от меня хотела, только я так и не понял, чего именно. Больше сообщение не появлялось, что бы я ни делал.

Я отвез родителей Наташи домой, еле-еле отбился от настойчивого приглашения на обед и, попрощавшись, отправился прямиком в больницу проведать Алису Олеговну. Время поджимало, скоро надо было ехать к Наилю на подпись документов, но часа два у меня еще точно было. А ведь мне еще и к Серегиным родителям обязательно нужно заглянуть.

В больнице я узнал, что Юмашеву уже перевели из реанимации в обычную палату — конечно, платную, одноместную. Договорившись, чтобы меня пропустили, я вошел и увидел, что она полулежит на кровати и смотрит в потолок. На запястьях у нее были повязки, под глазами — синяки.

Развернулась Система.

Диагностика завершена.
Основные показатели: температура 36,8 °С, ЧСС 94, АД 100/65, ЧДД 18.
Обнаружены аномалии:
— Постгеморрагическая анемия (гемоглобин 89 г/л при норме от 120).
— Резаные раны обоих запястий, ушиты; заживают без признаков инфекции.
— Астения. Нарушение сна.

Я понял, что физически ей значительно лучше: раны заживали, а от кровопотери остались анемия и слабость.

Что творится у нее в голове, диагностика не показывала, и я запустил эмпатический модуль.

Сканирование завершено.
Объект: Юмашева Алиса Олеговна, 44 года.
Доминирующие состояния:
— Стыд токсический (81%).
— Утрата смысла жизни (72%).
— Отчаяние (64%).
Дополнительные маркеры:
— Взгляд неподвижный, мимика бедная.
— Дыхание поверхностное, редкое.
— Мышечный тонус снижен.

Стыд, пустота и отчаяние. А вот привычной Алисиной злости в этом списке не было, и это мне не понравилось.

Увидев меня, она враждебно сказала:

— Что, Сергей, пришел посмотреть, до чего я докатилась? Порадоваться?

— Нет, — покачал головой я.

— Злорадствовать будешь?

— Ну что ты, Алиса, для этого мне достаточно посмотреть на твою фотографию, — ехидно ответил я.

Она аж вспыхнула. Я намеренно провоцировал ее на злость: пока человек злится, с ним можно разговаривать, а с пустотой, которую показал модуль, говорить было не о чем.

Алиса посмотрела на меня ненавидящими глазами и прошипела:

— Уходи! Вон отсюда!

— Хорошо, — сказал я и посмотрел на часы. — Я уйду через десять минут.

— Я сейчас охрану вызову! — демонстративно потянулась к кнопке Алиса.

— Ну, значит, через пять, — пожал плечами с самым что ни на есть равнодушным видом я.

— Ладно, говори, — процедила она. — Уж на несколько минут я возьму себя в руки, попытаюсь тебя выдержать.

— Вот и отлично, — сказал я, пододвигая табуретку поближе к ее кровати.

Видимо, она ожидала, что я сейчас начну ее уговаривать: мол, ты прекрасная женщина, все наладится, все еще впереди, он тебя недостоин. Или, еще хуже, что он к тебе вернется. Но я решил разрубить шаблон и спросил:

— Мать, ну какого хрена ты творишь?

Алиса вскинула на меня нечитаемый взгляд и промолчала. Я сидел и ждал, пока она что-нибудь скажет. Наконец она, не выдержав, буркнула:

— Какая теперь разница?

— Огромная, — объяснил я. — Если ты хотела умереть, я сейчас позову врача и уйду, пусть он сам тобой занимается. Если же хотела, чтобы ушла боль, тогда с тобой еще можно работать.

Алиса только гневно и возмущенно фыркнула. Но по модулю я видел, как на слове «боль» у нее подскочило отчаяние, и такого ответа мне пока хватило, а остальное — дело ее врачей.

Шаблоны я решил ломать и дальше. Поэтому, вместо того чтобы обсуждать ее глупый танец на грабельках, просто спросил:

— Скажи, Алиса, а зачем ты свою галерею создавала? Помнишь, ты еще этого дурика Леонарда Парового приглашала? Ради чего тебе вот это все надо было?

— Да какая теперь разница! — огрызнулась она. — Нет у меня больше галереи! Ничего больше нет!

— Разница есть, и нам обоим сейчас важно ее понять.

Постепенно я ее разговорил, и Алиса нехотя призналась, что лелеяла очень амбициозный проект. По ее задумке, это должна была быть не просто обычная галерея, где выставляют поделки местных художников, а некое культурное пространство, где она будет демонстрировать культурный код города и людей, которые в нем живут.

— Ну так в чем дело? — спросил я.

— А в том, что я галерею про… — Она хотела матюгнуться, но уши у нее покраснели, и она сказала: — Эм… профукала…

— Понятно, — кивнул я. — Тогда давай знаешь как сделаем? Ты не отказывайся от этого проекта с культурным кодом, просто давай немного изменим масштаб.

— Как это? — изумленно посмотрела на меня Алиса.

— А так. У меня в санатории огромный холл. Да ты же сама его видела. Все равно все эти холлы надо оформлять. Тайра Терентьевна там какие-то коврики пытается вязать, но, сама понимаешь, это несерьезно. Так почему бы тебе не начать оформлять его картинами художников, через которых ты хотела показать код города? Вот и покажешь. Стены есть, люди будут постоянно туда-сюда приезжать, смотреть, можно даже устраивать там временные экспозиции, приглашать каких-то художников, даже аукцион можно устроить. А если прям так сильно захочешь — можно самого Леонарда Парового позвать.

Алиса посмотрела на меня широко раскрытыми глазами:

— Ты это серьезно сейчас?

— Абсолютно.

— И это ты мне говоришь, после того как я чуть не продала твою долю Фариде? — горько усмехнулась Алиса.

— Мою ты не продавала, — пожал плечами я. — Ты свою продала.

— Ну да, и теперь вы судитесь, — тяжело вздохнула Алиса и опустила голову низко-низко.

— Судимся, — подтвердил я.

— И все равно даже после этого ты предлагаешь мне работу?

— Нет, Алиса, работу я тебе пока не предлагал. Я предлагаю тебе вернуться к проекту, а ресурсной базой для него станет мой санаторий. Но если ты действительно этого хочешь, то можешь помочь исправить то, что уже натворила, мать. И в первую очередь — передать Наилю все документы по сделке с Фаридой.

— Принято, — сосредоточенно нахмурившись, кивнула Алиса. — Я позвоню своему юристу. — Она покраснела. — Точнее, своему бывшему юристу, и он все отдаст.

— Достаточно дать его контакты. Я скажу Наилю, он сам поедет и заберет.

Алиса молча кивнула, не поднимая глаз.

— Дальше, — продолжил я, — честно рассказать, кто готовил продажу и при каких обстоятельствах. Над этим ты поработаешь с Наилем, я его завтра прямо сюда пришлю.

— Хорошо, сделаю, — сказала она и торопливо добавила: — Только до обеда врач посетителей не разрешает: у меня процедуры, плюс занятия с психотерапевтом, херня вот эта вся. А после обеда я свободна часа полтора, и так каждый день.

— Отлично, — сказал я. — Думаю, Наиль за день-два спокойно тебя обо всем расспросит. Дальше — не лгать в суде.

Алиса вспыхнула, но, взглянув на меня, кивнула.

— И плюс — помочь разобраться с Виталием и деньгами законными способами.

— Как это? — спросила Алиса, густо покраснев, когда я назвал имя альфонсика.

— Как именно, объяснит Наиль. От тебя требуется одно: никакой самодеятельности, все только через него. И еще я скажу ему, чтобы подготовил маленький договор между тобой и мной.

— Не доверяешь? — усмехнулась она.

— А ты себе сама доверяешь? — вопросом на вопрос ответил я. — Я тебе уже трижды поверил, и каждый раз ты меня подвела, Алиса.

Женщина еще пуще покраснела и опустила голову ниже.

— Так что, договорились? — Я протянул ей руку и удивился, насколько слабое было ответное пожатие.

Она кивнула.

— Ладно, — сказал я. — Тогда я пойду.

— Погоди, — сказала она и, загорячившись, чуть не соскочила с кровати.

— Лежи, — строго сказал я. — Тебе еще нельзя вставать.

— Подожди, Сережа! Послушай, а как ты представляешь в твоем колхозе сделать галерею?

— Я же сказал, что не галерея это, а выставочное пространство.

— Ну, у тебя же освещение ужасное, — всплеснула руками Алиса.

— Да, Фарида на днях тоже так сказала, — хохотнул я.

— Значит, хоть в чем-то она разбирается, — в ответ засмеялась Алиса.

— Вот видишь, — нравоучительно сказал я. — Ты уже почти выздоровела. Вон уже смеешься.

Алиса улыбнулась. А затем потянулась и обняла меня, потом посмотрела в глаза и сказала:

— Слушай, а если я действительно возьму и поеду в твою эту тьмутаракань?

— Тогда сначала ты должна выздороветь. А потом приедешь и объяснишь моему электрику, почему у меня стены неправильные и подсветка не такая, как надо. А если хочешь, я

Еве скажу, пусть она тебе технические характеристики холла сбросит, все равно делать тебе здесь нехрен, вот и проектируй.

— Хорошо! — просияла Алиса. — Только не забудь. И, если можно, пусть прямо сегодня сбросит.

Распрощавшись, я вышел из здания больницы, решив заехать к родителям Сереги.

И тут мне позвонил Сашка.

Глава 2

— Сашка, — обрадовался я. — Привет, пропажа! Что-то о тебе ни слуху ни духу. Совсем потерялся в этой Казани. Случилось что? Рассказывай.

— Да нет, Серег, в основном все нормально, — ответил Сашка. — Мне Ева сказала, что ты тоже в Казани, вот я и решил позвонить.

— Ну так рассказывай давай, — поторопил его я, усаживаясь в машину.

— Да вот такие дела, значит. Мы же заказали несколько единиц реабилитационного и диагностического оборудования. Список ты видел. В общем, основная партия пришла. Все нормально, но тут такая штука…

Сашка сделал немного театральную паузу и продолжил:

— Короче говоря, у двух аппаратов при приемке обнаружилось несоответствие комплектации.

— И что? — не понял я.

— А то, что оборудование пришло под российскую сеть и с документами. Но главные модули и датчики у них оказались другой модификации, не той, что в регистрационном удостоверении. Китайщина.

— Они не работают? — упавшим голосом спросил я.

— Нет, физически аппараты работают, — пояснил Сашка, — но вводить их в эксплуатацию в медучреждении нельзя: модификация не та, что в удостоверении, и серийные номера не сходятся с документами поставки. Михаил предлагал потом бумаги дослать, но я категорически отказался. Просто сам подумай: после проверки Изотовой нам сейчас только нелегального оборудования не хватает для полного счастья. Она же баба ушлая, потом всех собак на нас за это спустит. В общем, я заставил Мишу менять модули с датчиками и переоформлять накладные, — сердито выдохнул Сашка. — И замена приедет аж в понедельник, а может, даже вообще во вторник. Поэтому буду сидеть в Казани до тех пор, пока они не привезут, и лично приму поставку. Каждый винтик проверю.

— Ну, сы… дружище, спасибо тебе, — сказал я, обрадованный такой его позицией и чуть не назвав сыном.

— Да не ссу, не ссу, — не так меня понял Сашка и рассмеялся.

Все это время я специально не звонил, прекрасно зная, что он объявится сам, когда сочтет нужным. Сын всегда был несколько отстраненным, четко выстраивал личные границы и не любил, когда кто-то начинал эти границы задвигать. Решение о том, сблизиться или нет, всегда принимал только Сашка, поэтому я на него и не давил, а все общение вел исключительно через Еву, раз уж он с ней так сошелся.

— Хорошо, — сказал я. — Я в Казани, у меня вечер свободный. Может, встретимся, пивка попьем?

— В принципе, можно, — сказал Сашка, но потом как-то сник. — Только дело в том, что Ева тоже в Казани, и она когда-то приглашала меня сходить на выставку. И тут такая возможность. Но, если хочешь, пошли с нами?

— Нет-нет, вы сами идите, мы потом когда-нибудь с тобой пива попьем, — отмахнулся я, понимая, что третий там точно будет лишним.

— Слушай, Серега, еще такой момент, — сказал вдруг Сашка, когда я уже решил, что мы закончили разговор.

— Что там?

— Понимаешь, когда я принимал оборудование, Миша в разговоре проболтался: мол, зря я так цепляюсь, у нас же все равно запуск перенесли. Я еще тогда не понял, спрашиваю его: кто это сказал? И знаешь, что мне ответил этот Миша?

— Что? — спросил я.

— Говорит: а мне, мол, ваши сказали. Я пытался из него вытянуть, кто именно, а он сделал вид, что не помнит, но, скорее всего, просто не хотел выдавать. Официально о переносе запуска поставщику никто не сообщал, то есть получается, что кто-то сливает информацию из санатория?

Я задумался над словами Сашки.

— Эх, надо искать, значит. Какая-то дичь прямо творится: сначала кто-то написал в министерство про мои операции в райбольнице. Теперь кто-то рассказывает этому Михаилу о переносе запуска. Если это один и тот же человек, то проблема уже отнюдь не в сплетнях.

— Да, надо искать, — согласился Сашка.

Распрощавшись, я задумался, куда лучше отправиться: к родителям Сереги или же встретиться с Танюхой, поболтать. В конце концов я остановил выбор на Танюхе, потому что если к родителям Сереги сейчас придешь, то это надолго, а у меня часа через полтора встреча с Наилем по поводу документов. Лучше я после юриста махну к ним.

Я позвонил Танюхе.

— О, Серега, — обрадовалась она. — Какими судьбами? Че хотел?

— Ты сейчас где, Тань? — спросил я. — На работе?

— Нет, я щас типа дома сижу. Вот вареники решила слепить с вишней. У меня типа выходной сегодня просто. А что такое?

— Вот и замечательно, — сказал я. — Дело в том, что я сейчас в Казани, по делам тут надо было срочно появиться. Сейчас планирую заскочить домой. И заодно забегу к себе. Так что давай пересечемся ненадолго.

— Слушай, Серега, так давай сразу ко мне, — сказала Татьяна. — Я же вот вареники как раз делаю, а у тебя там че, типа шаром покати. Заодно и переговорим. А в квартиру свою ты всегда сможешь заглянуть после вареников.

— Договорились, — улыбнулся я и посмотрел на часы, — минут через двадцать пять у тебя буду. Ставь чайник.

Я завел мотор и погнал домой. Забежав в квартиру, которая была хоть и отремонтированная, но какая-то словно не моя, а без Пивасика и Валеры так и совсем чужая, я оставил вещи, переоделся в домашний спортивный костюм и поднялся к Танюхе, прихватив деревенские гостинцы, которые передали тетя Нина и Полина с Райкой.

— Ну что, Танюха, — сказал я, протягивая ей пакеты, — это тебе наши девчата передали. Держи.

— Ой, — обрадовалась она, — домашние яйца, сыр, молоко. А это что?

— А это от Гришки Рыжего, рыба горячего копчения, — сказал я. — Чем-то ты ему, видимо, приглянулась, раз он тебе лично гостинцы теперь передает.

— Да ладно, скажешь тоже, — покраснела Танюха и махнула рукой. — Просто я ему для бизнеса одну деталь нашла и в Морки передала, вот он теперь и решил отблагодарить.

— Понятно, — сказал я. — Как твои дела?

— Да все так же, — сказала она. — Хотя я сейчас дистанционно прохожу курсы на дизайнера и буду скоро уже пробовать сама делать проекты. Вот только не знаю, — она посмотрела на меня и задумалась, — с чего начать.

— Ну, мы же с тобой вроде договаривались, — сказал я. — Приезжай ко мне в санаторий и вперед: учись, переделывай, работай. С Евой я переговорю, она в смету все твои хотелки, какие там надо будет: на краску или на что там еще, — включит.

— Ой, Серега, — всплеснула руками просиявшая Танюха, а затем резко пригорюнилась: — Я бы могла, но, ты знаешь, боюсь. А вдруг напортачу? Все-таки санаторий — такая махина. А я рукожопая, да еще и троечница в придачу.

— Слушай, Танюха, во-первых, ты будешь не одна. Я хочу также попробовать привлечь Алису. Если согласится, пусть занимается выставочным пространством, заодно и тебе все подскажет, чтобы было как в лучших домах Парижа. Опыт у нее в этом деле — ого-го. Это во-первых, — сказал я. — Во-вторых, ты же можешь вовсе не с главного корпуса санатория начать. Можешь взять сперва флигель и там что-нибудь поменять, приукрасить, переделать, потому что все равно этот флигель мы будем сдавать для сотрудников под жилье, поэтому там тоже красиво надо.

Так, переговариваясь, мы прошли на кухню, где вкусно пахло варениками.

— Угощайся, — хвастливо сказала Танюха, поставив передо мной глубокую миску с варениками. — Вот здесь с творогом, а здесь с вишней. Конечно, творог не такой, как у вас в Морках, но все равно я по знакомству на рынке беру — хороший такой, жирненький.

— Помню, помню, — сказал я, вспомнив наш поход с Танюхой на рынок и ароматные продукты, которые мы там брали. — А я тебе привез творог. Тетя Нина лично делала из молока козы Афродиты.

— Помню я вашу Афродиту, — засмеялась Танюха. — Кстати, как там Валера с Пивасиком?

Я стал рассказывать про питомцев, а первый вареник, прежде чем отправить в рот, по привычке проверил.

Вареники с вишней

Содержание в пересчете на 100 г:

Крахмал: 25 г; сахара (сахароза, глюкоза, фруктоза): 10 г; белок пшеничный: 4 г.

Яблочная кислота: 0,5 г; антоцианы: 12 мг.

Взаимодействие с организмом носителя:

— Крахмал и сахара дают около 140 ккал энергии и быстро поднимают уровень глюкозы в крови.

— Антоцианы, пигменты вишни, при регулярном употреблении защищают стенки сосудов и уменьшают воспаление.

— Яблочная кислота дает кислый вкус и усиливает слюноотделение.

Токсичных примесей в опасных концентрациях не обнаружено.

Вареники оказались просто варениками, и я принялся за еду.

Мы переговаривались, и тут зашел Степка. При виде меня он просиял и бросился обниматься.

— А чего это ты такой любвеобильный вдруг стал? — нехорошо прищурилась Танюха. — Небось двойку опять по математике получил и решил, что я не пойму?

Судя по вспыхнувшим ушам Степана, именно так все и было. И маневр не удался. Поэтому он прекратил со мной обниматься и быстро спрятался за мою спину, по дороге схватив вареник с моей тарелки.

— А ну бегом иди переодевайся и руки мой, чучело! — возмутилась Татьяна. — Руки грязные, и еще в тарелку дяди Сережи лезешь. Давай дуй отсюда, а то ща получишь у меня!

Степка был с позором выдворен с кухни, а мы остались с Татьяной наедине.

— Сереж, ты в последнее время вообще как другой человек. — Я аж внутренне напрягся, а Танюха продолжила: — Раньше тебя матери позвонить заставить было невозможно, а сейчас ты и чужих старух лечишь, и детей спасаешь, и с Наташиными родителями вон сам помирился.

— Может, подменили? — фыркнул Степка, который заглянул на кухню, чтобы стащить еще один вареник.

— Ты руки вымыл? — свирепо рявкнула Танюха, и Степана моментально сдуло.

А я чуть вареником не подавился. Да, для них это, конечно, хиханьки-хаханьки, а вот для меня совсем нет.

Танюха принялась выведывать у меня, как я ездил к Наташиным родителям. Оказывается, Наташина мать ей сразу же позвонила и все подробно рассказала, а то я все думал, откуда она знает. И тут Танюха неожиданно посмотрела на меня и сказала:

— А знаешь, Серега, а ведь ты все правильно сделал. Когда-то мы с твоей Натахой сидели внизу на лавочке и болтали, и она сказала мне такое… — вспомнила Танюха. — «Серега все время думает, что должен кого-то спасать. Когда-нибудь он на этом точно сломается».

Я аж замер, потому что эта формулировка описывала именно меня самого сейчас, а не только прежнего Епиходова. А Танюха, продолжая с аппетитом наяривать вареники, макнула очередной в сметану и сказала:

— А потом она еще сказала: «Он думает, что если он врач, то просто обязан всем помогать. А людям иногда не врач нужен. Иногда надо просто вовремя рядом оказаться».

Я вздохнул, потому что весь мой путь здесь именно об этом. Райку я спас не операцией, Борьке помогал не лекарством, Смирнову лечил не «Вазорелаксином», Алису сегодня — тоже не лекарствами. Я начал складывать кусочки этой нелепой мозаики и вспомнил, что Система дает очки социальной значимости как награду за изменение чужих судеб.

Вспомнил я и то, что Система особенно активно реагирует не просто на какие-то медицинские успехи вроде сложной операции, а на предотвращение критических угроз. И на изменение жизненных траекторий тех людей, которые меня окружают или попадают в поле моего зрения.

И тогда я применил к Системе научный метод и сформулировал такую гипотезу: может, ей вообще не нужен был великий врач, академик Епиходов? Может, ей требовался человек, который способен исправлять чужие сломанные жизни?

И отсюда возник следующий вопрос: а почему для этого понадобилось тело именно Сергея Епиходова?

Не знаю, до чего бы я еще сейчас додумался, но тут Танюха сказала:

— А помнишь, как мы сидели во дворе, и ты сказал тогда Эдику Брыжжаку, что если бы тебе дали еще одну жизнь, ты бы прожил ее совсем по-другому?

Я перестал есть.

— Когда я это говорил?

— Да почти постоянно, особенно когда бухал, — вздохнула она и вдруг добавила: — «Лучше бы вместо меня кто-нибудь нормальный жил». Так ты тогда сказал.

Вот теперь стало неприятно, потому что кто-нибудь нормальный действительно сейчас живет вместо этого казанского Сереги.

Я собрался придумать повод и уйти — нужно было все это обдумать, — но рядом уже скромно мялся Степка.

— Дядь Сереж, — сказал он, — я хочу тебя что-то спросить.

— Говори, — сказал я.

— Понимаешь, мне задали в школе рассказать классу про профессии моей семьи или кем я хочу стать. Ну, я же не буду говорить, что мама уборщица.

При этих словах Танюха вспыхнула и опустила голову.

Я сперва хотел сказать ему что-то в стиле «все профессии важны, все профессии нужны», но, взглянув на Танюху, промолчал: может, хоть так она быстрее решится сменить работу и уйдет в дизайн.

— Короче, я решил вторую тему выбрать и рассказать про врача. Я хочу рассказать про тебя, дядь Сереж.

Танюха ехидно рассмеялась:

— Все, академик, дождался. Теперь про тебя в Степкиной школе будут знать.

Я улыбнулся и сказал пацану:

— Только не говори им про величайшего хирурга современности, попроще рассказывай.

— А можно мне написать, что ты людей спасаешь? — спросил Степка, что-то отмечая в альбомчике карандашом, совсем как взрослый: видимо, где-то в кино увидел.

После этих слов я на секунду завис.

— Можно, только ты там расскажи, что врач не всегда спасает операцией.

— Хорошо, — просиял Степка. — А вот еще смотри, что я в интернете нашел.

Он открыл на планшете ссылку и показал скрины старых материалов, вышедших после передачи «Люди говорят», с фотографиями санатория.

Я присмотрелся. Это был чат какого-то местного телеграм-канала, где обсуждали всякое. Глаза резанула фраза: «*"Лесная сказка" открывается не раньше весны, а то и летом»*. И дальше шло обычное экспертное обсуждение диванных экспертов, в основном хейт.

Но от этой фразы я аж обалдел.

— Откуда это? — спросил я Степку, видимо, излишне резко, потому что он покраснел и испугался.

— Дядь Сереж, да я ж ничего, просто в интернете нашел.

А я задумался. Ведь поставщик Михаил тоже сказал Сашке: «У вас же запуск все равно перенесли». То есть по сети эта информация гуляет, и гуляет давно.

Я пролистал дальше. Информации в чате было немного, но нашлась ссылка на какой-то то ли канал, то ли блог. Я его открыл, и там было написано: «*По слухам, широко разрекламированный санаторий Епиходова столкнулся с проблемами. После проверки открытие, вероятно, откладывается*». Но меня заинтересовало отнюдь не это. Имелась там маленькая деталька: этот пост был опубликован раньше, чем до нас дошли первые результаты проверки Изотовой. То есть слух пошел очень быстро. Практически раньше, чем я, как руководитель, получил официальный акт проверки.

Я тут же вспомнил обращение в министерство о моих операциях в райбольнице и подумал: ведь похоже, что кто-то знает и мои врачебные дела, и внутренние дела санатория. Может, это разные люди, а может, кто-то один.

С трудом доев вкуснющие вареники, я сказал:

— Слушай, Тань, а давай потом переговорим. Я только что вспомнил, что мне сейчас нужно срочно ответить на письмо.

— Ну, давай, — немного разочарованно сказала она. — Так-то я весь день дома, только хотела в ЖЭК сходить, но раз ты тут, не пойду.

— Нет-нет, ты иди, если что, созвонимся, — сказал я. — Вечером я ночевать домой приеду, пересечемся.

— Хорошо, — обрадовалась Татьяна. — Тогда приходи на ужин. Я сегодня буду плов делать. Очень уж охота все санаторные новости узнать.

— Вот и отлично, — улыбнулся я и спустился к себе.

Это было не бегство, а тактическое отступление. Мне нужно было хорошо это все обдумать. В голове вертелись слова Пашки Мельника, которые пересказала его мать на кладбище: «Если можно было бы вернуть ему жизнь, я бы свою отдал». И слова прежнего Сереги: «Лучше бы вместо меня кто-нибудь нормальный жил». Слова Наташи: «Людям иногда не врач нужен. Иногда надо просто вовремя рядом оказаться». И реакция Системы на кладбище: «Условия доступа не выполнены».

Слишком уж много совпадений.

И я, не раздумывая, обратился к Системе напрямую. Только не командой. Просто спросил вслух:

— Система, скажи, зачем я здесь?

Ничего. Никакого ответа.

Я горько усмехнулся:

— Ну да, конечно, будет она со мной говорить.

Я начал одеваться, чтобы ехать к Наилю, и тут перед глазами внезапно появилось окно. Но было оно нестандартное, не такое, к каким я за все это время привык. Такого интерфейса я раньше не видел. Там было написано:

Зафиксирован запрос носителя.
Доступ к информации о назначении: закрыт.
Причина: основная задача не идентифицирована носителем.
Прогресс идентификации: выполнено условий 1 / 3.

Я аж на стул уселся. Вот это уже настоящий переворот, потому что до этой секунды я даже не знал, что существует основная задача. И громко спросил:

— Какие условия?

Передо мной высветилось новое окно Системы:

Условия идентификации основной задачи
Условие 1: выполнено. Установлена причина разрушения исходной жизненной траектории биологического носителя.
Условие 2: не выполнено.
Условие 3: недоступно.

И я мгновенно понял: Наташа. Смерть Наташи разрушила жизнь прежнего Сергея. Вчера я увидел в протоколе вскрытия сорок пять минут между поступлением и операцией, сегодня услышал от Сони, в чем признавался ей пьяный Пашка, и вся цепочка произошедшего наконец сложилась. Поэтому Система так и отреагировала. И я опять спросил ее:

— А в чем второе условие?

После долгой паузы развернулось новое окошко:

Условие 2: установить первопричину смерти предыдущей личности носителя.

Я нахмурился. Я же прекрасно знаю, что погубило казанского Серегу. Но в ответ моментально получил уточнение:

Условие не относится к смерти Епиходова Сергея Николаевича, уроженца города Казани.

Вот здесь мне прям стало холодно. Я перечитал строку и переспросил:

— Тогда чьей?

Пришел ответ Системы:

Условие относится к вашей смерти.

И следом предупреждение:

Смерть носителя до переноса сознания не являлась случайной.

— Я прекрасно это знаю, — сердито пожал плечами я. — Меня под видом операции по поводу аневризмы сосудов мозга зарезал Роман Александрович Михайленко. А помогала

ему в этом моя вторая супруга — Ирина. А также мой коллега — Казимир Сигизмундович Лысоткин.

Система опять ответила:

Смерть носителя до переноса сознания не являлась следствием самостоятельных действий установленных лиц.

Требуется установить лицо, инициировавшее вашу смерть.

О как! Приехали.

Глава 3

Я уже намылился ехать к Наилю, когда он позвонил и перенес встречу на три часа позже, потому что нужно было дождаться Фариду, а та отчего-то тянула.

— Ладно, давай не будем из-за ерунды с ней воевать, — примирительно сказал я. — Все равно куча мелких вопросов и у тебя, и у меня накопилась, поэтому, думаю, нам будет чем заняться эти два-три часа.

— И то правда, — с облегчением согласился Наиль и отключился.

Последнее окно Системы не шло у меня из головы. О том, что за тремя моими убийцами кто-то стоял, я знал и раньше: Владимир подтвердил это еще в Москве, только фамилию назвать отказался. Но теперь это имя требовала от меня сама Система…

Одевшись, я окинул взглядом пустую квартиру с хорошим ремонтом и понял, что не очень-то и хочу здесь оставаться. Словно не хватало мне чего-то: возможно, мурчащего Валеры и крикливого Пивасика. Возможно, еще чего-то, не знаю. А может, после всех этих разговоров о прошлом Сергея у меня возникло предубеждение против этой квартиры, опустевшей после смерти его жены и их нерожденного ребенка.

В этот момент в дверь позвонили. Я открыл, думая, что это Танюха, но на пороге стоял Брыжжак собственной персоной и счастливо улыбался.

— Привет, Серега! — радостно воскликнул он и от избытка чувств хлопнул меня по плечу.

— Ну, здравствуй, здравствуй, Эдуард, — улыбнулся в ответ я. — Заходи, чаю попьем. У меня как раз хорошая смесь липового цвета с малиновым листом есть и гречишный мед.

— Да не, я на минутку. Так-то на работу бегу: опоздаю — бригадир опять ругаться будет, — хмыкнул он. — Просто Танюха сказала, что ты появился. Думаю, хоть загляну, увижу тебя, а то ты неуловимый стал, постоянно где-то в других краях обитаешь.

— Да почему это в других краях? — хмыкнул я. — Тут рядом Марий Эл, соседняя республика.

— Ну, соседняя, не соседняя, а все равно другая, — рассудительно сказал Брыжжак, и улыбка снова расползлась от уха до уха: он был искренне рад меня видеть. — Как ты там, не женился еще?

— Да нет вроде, — покачал головой я. — Работа у меня, наука. Когда мне еще жениться? Да и кому я такой занятой нужен?

— А вот я, ты представляешь, скоро женюсь, — хвастливо заявил Брыжжак. — Уже даже кольца купил. Только ты никому пока не говори, даже Танюхе. Это секрет.

— Да ну! — искренне обрадовался за него я. — Ну что ж, поздравляю, Эдуард. Никому ни слова не скажу, обещаю. Но раз начал, так давай дальше колись: кому же выпала такая честь разделить с тобой остаток жизни?

— А ты ее знаешь, это Диляра, работает в зоомагазине. Ну, который у нас через дорогу.

— Диляра, Диляра…

Я задумчиво принялся вспоминать. В тот магазин я заходил не раз, и одну продавщицу там, кажется, звали именно так: это она когда-то бесплатно дала мел для Пивасика. Но та ли это Диляра? Если увижу в лицо — точно вспомню. Поэтому, чтобы не вызывать лишних вопросов, я неопределенно качнул головой.

Но Брыжжак этого не заметил, потому что, захлебываясь от счастливого восторга, рассказывал, какая же замечательная девушка эта Диляра, и как они с ней прекрасно проводят время, и что его сыновья ее приняли, и даже бывшая супружница отнеслась нормально и почти не устраивала истерик по поводу того, что какая-то посторонняя баба проживает у Брыжжака дома в то время, как там находятся оба их сына.

— Подожди, а как твоя мама приняла будущую жену?

— Ты знаешь, как ни странно, они нашли общий язык, начали вместе в церковь ходить по воскресеньям, а я только рад, — усмехнулся Брыжжак. — Они уйдут в пять утра, а я спокойно дрыхну почти до обеда, никто над ухом не жужжит. Церковь для баб — первое дело, — рассмеялся он.

— Ну и хорошо, — порадовался за него я. — Как там твоя мама, Альфия Ильясовна, поживает?

— Да что ей сделается? Ходит вон, все подъезды с хлоркой драит, даже двор от снега расчищает. Ну, как обычно. Кукуха, конечно, чуток съехала, но это, наоборот, всем даже нравится, — хмыкнул Брыжжак.

Мы еще перекинулись парой слов, и он заторопился на работу. Про ту ночь, когда он вез Наташу в больницу, и про то, что его слова скоро понадобятся Наилю, я решил поговорить в другой раз: такие беседы на бегу не ведут.

А я, сам не зная почему, решил зайти в тот зоомагазин. Брыжжак вспомнил про него, вот я и подумал: а почему бы, собственно говоря, и не заглянуть? Пивасику уже давно курс витаминов пора повторить, а Валеру проглитогонить надо, а то шляется по двору, мало ли. Да и ошейник ему нужен антиблошиный. Заодно и для козы Афродиты можно будет что-нибудь присмотреть, Чепайкин порадуется. Он хоть Афродиту вроде как за тетю Нину как калым отдал, но, сдается мне, на самом деле эта коза у нас как троянский конь: веский и официальный повод постоянно заходить в санаторий.

Серегиным родителям я написал, что скоро буду.

Сам же спустился во двор и, перейдя на другую сторону улицы, оказался в магазине. Остановился перед большим пестрым стеллажом с товарами и невольно вспомнил, как встретился здесь с Аней во второй раз, как она мне подсказывала, что выбрать для Валеры. И чем дольше я про нее думал, тем больше понимал, что как-то мы расстались не совсем правильно. Она так внезапно уехала, а по сути, сбежала. Почему?

По телефону она тогда сказала, что в Казани для нее больше нет работы, а в Москву не хочет. Но звонила уже из аэропорта, за два часа до вылета. Долгое время я отбрасывал этот вопрос, считая, что тут не мое дело и если она так провела личные границы, то я не вправе их нарушать. Но сейчас вдруг нахлынули воспоминания, и я понял, что этот гештальт не закрыт и я буду постоянно к нему возвращаться: почему она тогда уехала именно так? То ли ей со мной плохо было, то ли вообще плохо было, то ли она забеременела и не хотела сказать мне, может, боялась, что я начну какие-то права предъявлять, решив оставить его только себе. Но зачем же ехать куда-то на все вот эти Бали-Таиланды? Я не представлял, как она сейчас живет.

Весь в глупых мыслях, я перебирал ошейники, и наконец продавщица, немолодая женщина, обратила на меня внимание.

— Вам помочь? — спросила она.

— Да я тут для котенка ошейник выбираю, — сказал я. — Мне еще глистогонное для него надо и витамины для попугайчика. И для козы что-нибудь.

— А, хорошо, возьмите вот это и это, — сказала она, выбирая для меня упаковки.

Сложив покупки в сумку, я через несколько минут в задумчивости вышел из магазина. Не зря мне вспомнилась Анна. Совсем я потерял ее из вида. Номер ее у меня остался. Но после стольких недель молчания я не решался позвонить и спросить напрямую, почему она тогда так уехала. А вот как узнать, что с ней на самом деле? Наверное, нужно сходить к Азе Ахметовне, в чьей квартире проходил тот самый поэтический вечер, или позвонить Таисии, у которой наверняка найдутся координаты Артема: вдруг он с тех пор что-нибудь узнал. Хотя этот вариант я тут же отмел: некрасиво звонить одной девушке для того, чтобы разыскать другую.

Сам даже не знаю, почему так про нее вспомнил. Вроде и не испытывал я такой уж любви, просто с ней было очень хорошо. Но мне, видимо, именно сейчас требовалась тихая гавань,

дружеская душа, чтобы хоть частично снять с души груз, который в последнее время навалился на меня. Даже когда я только попал в это измученное тело и погряз в проблемах, когда за мной бегали коллекторы, а все вокруг выставляли претензии и требовали денег, мне было значительно легче, чем сейчас.

Я сам себе напоминал эдакого Атланта, который держит каменный небосвод: плечи уже затекли, дрожащие коленки вот-вот подведут, а впереди падение. Поэтому к родителям Сереги я, честно говоря, ехал с надеждой, что сейчас старики меня разговорят и помогут отвлечься от этих постылых тревожных мыслей.

И правда, только я приехал, как дверь тут же распахнулась — отец Сереги явно дежурил, поджидая меня, видимо, сидел в засаде.

— Сынок, Сережка! — радостно разулыбался он и бросился меня обнимать.

Тут же из кухни выскочила загоревшая Вера Андреевна, которая ревниво оттеснила от меня мужа:

— Сереженька, похудел-то как! Не кушаешь, наверное, ничего. Ну, пошли, пошли, я тут как раз блинов нажарила.

«Боже, — подумал я, — я же только что из-за стола».

— Мама, да я у Танюхи вареников только что поел.

— Ой, да какие там у Танюхи вареники! — возмущенно сказала Вера Андреевна. — Одна видимость. Вот ты сейчас попробуй мои блины и сразу поймешь, что такое настоящая еда.

С этими словами меня потащили на кухню кормить. И стало понятно, что сопротивляться бесполезно.

Гречневый суп я, прежде чем взяться за ложку, по привычке проверил «Природой веществ» и со спокойной душой начал есть. Мы сидели за столом, и я пытался осилить тарелку и с ужасом посматривал на огромную стопку блинов, которые заботливая Вера Андреевна постахановски нажарила к приезду сыночка. Ну вот, ну почему в нашей стране все вредное считается вкусным? Нет, пора перестать потакать всему этому! Подумав так, я решил, что буду стоять на своем и съем максимум один блин. Да. Ну или два.

Квартира сияла новым ремонтом, который радовал глаз.

Особенно приятно было то, что Танюха расстаралась и учла все потребности двух стариков: в ванной появились дополнительные поручни, полы покрыла нескользящая плитка. Порогов вообще не было. Я еще подумал, что надо родителям робот-пылесос прикупить, хотя, с другой стороны, Вера Андреевна предаст его анафеме и не позволит вместо нее убираться. Но, во всяком случае, облегчить ее работу я попытаться должен.

Все в доме теперь сверкало новизной и красотой.

— А ты посмотри, посмотри, какая вытяжка. — Вера Андреевна хвастливо нажала на кнопочку, и меня чуть не засосало струей воздуха. — Видишь, какая мощная! Я, когда котлеты жарю, запаха вообще в квартире никакого не слышу.

— Здорово, — похвалил я.

— Сынок, представляешь, на балконе нам сделали пол утепленный, так что я там поставил себе кресло и читаю теперь газеты, когда Верка сериалы свои смотрит, — похвастался Николай Семенович.

— Ой, да, конечно, как буржуй, — засмеялась Вера Андреевна.

Затем они принялись наперебой рассказывать, как съездили в Эмираты.

— А это, сынок, тебе. — Вера Андреевна протянула мне какую-то донельзя пеструю, в пальмах, рубашку.

— Ого, какая красивая! — похвалил я рубашку.

— Это из Эмиратов, импортная, — с придыханием сказала она, и взгляд ее затуманился от избытка эмоций.

— Ну и что вам там понравилось? — спросил я, принимая подарок.

— Ты же знаешь, сыночек, как эти шейхи там все хорошо живут, — заахала Вера Андреевна. — И пальмы, и песок. Вроде и нету у них такого, чтобы там кабачки или что-то посадить, а вместе с тем откуда такие деньжищи?

— Да я ж тебе говорил, что у них нефти полно, вот они и жируют, — проворчал Николай Семенович.

— Ну все равно я не понимаю, зачем помидоры в других странах покупать, почему самим не выращивать? Хоть бы теплицы какие-то поставили.

— Да куда теплицы, — хмыкнул Николай Семенович. — Там такая жара круглый год. Наоборот, им ледники ставить надо.

И, повернувшись ко мне, подмигнул:

— Наша мать такая дремучая, что на шведском столе боялась добавку брать. Там такие вафли давали, бельгийские называются, и она их очень полюбила, и там давали только по две штуки на тарелку. Она еще хотела, так у меня забирала, потому что боялась пойти и взять добавку. Деревня, — засмеялся он.

— Ой, да что сразу деревня! — возмутилась Вера Андреевна. — А сам-то, сам? Ты представляешь, Сережа, он бегал на ресепшн, пытался им на своем псевдоанглийском рассказать, что у нас кондиционер сломался и очень холодно, а они ж его не понимают. Он им одно лопочет, а они ему другое. В конце концов, хорошо, ребята из Калуги отдыхали, они английский знают, зашли к нам, посмотрели, а он сам на шестнадцать градусов кондиционер выставил, зато ходит, со всеми ругается, права качает. Деловой!

Мы с Серегиной мамой рассмеялись, а Николай Семенович покраснел:

— Да будет тебе, Вера. Ну кто ее, эту технику, поймет? Там столько кнопок, что-то, видимо, не то случайно нажал.

Затем они принялись наперебой хвастаться и показывать мне фотографии, где они то в отеле, то на море, то на каких-то экскурсиях. Николай Семенович смеялся, что Вера Андреевна испугалась, когда они ездили на джипах по пустыне. Вера Андреевна возмутилась и сказала, что это, наоборот, сам Николай Семенович испугался и, чтобы отвести от себя подозрения, теперь наговаривает на нее. Они яростно заспорили, кто из них испугался больше, а я, видя, как они помолодели и как счастливы, подумал, что та небольшая сумма, которая ушла на путевки и ремонт квартиры, принесла им гораздо больше радости и здоровья, чем можно было ожидать.

Значит, я поступил правильно.

Затем они опять переключились на меня. Вера Андреевна, подперев голову рукой, смотрела, как я ем, и легкая улыбка блуждала на ее губах.

— Сереженька, — сказала вдруг она, вздохнув, — ты даже не представляешь, как бы нам с отцом хотелось внуков. Вот видишь, поехали мы сейчас в эти Эмираты, купались в море, а как было бы хорошо, если бы с нами внучок был, чтобы мы там с ним занимались и плавали. Вот же как здорово.

— Да, — протянул Серегин отец мечтательно.

— Когда ты уже женишься? — снова спросила она. — А то мы ждем, ждем и все никак. Видимо, в этой жизни нашим мечтам и не сбыться…

Я понял, что пошла тяжелая артиллерия и сейчас они меня будут долго обрабатывать.

— Ну, мне же надо диссертацию дописать, — попытался аргументированно спрыгнуть я. — Какая нормальная жена будет сидеть дома одна и терпеть, что я целыми днями на работе, на операциях? А вечером мне надо писать диссертацию, научные статьи. Нет, нет, пока даже не думаю. Вот пройдет три года, защищу кандидатскую, а потом уже можно и о женитьбе поговорить.

— Ой, да знаю я тебя! — махнула рукой Вера Андреевна. — Сначала кандидатская, потом докторская, потом на Нобелевскую премию замахнешься. Так мы, наверное, с отцом и не дождемся внуков.

Я усмехнулся. Если бы она только знала, насколько права.

Постепенно Вера Андреевна стала серьезной, задумчиво посмотрела на меня и сказала:

— Неужто ты, сынок, до сих пор не можешь забыть Наташу?

— Вера! — попытался оборвать ее Николай Семенович, но она только махнула рукой и вдруг сказала:

— А мне, между прочим, Тонька сегодня днем звонила.

— Какая еще Тонька? — не понял я.

— Ну, мама Наташи, — смущенно сказала Вера Андреевна. — Говорила, что ты к ним приезжал, разговаривал и что сегодня свозил их на кладбище, помог с могилкой. И что пообещал оградку поставить. Она так хвасталась. Представляешь, какая-то посторонняя женщина рассказывает мне, какой у меня замечательный сын!

— Да не чужая нам Тонька, что ты такое говоришь! — возмутился Николай Семенович, но мать его проигнорировала:

— Ты знаешь, сынок, а все это время, сколько лет мы общаемся, первый раз Антонина Тимофеевна разговаривала со мной без прежней обиды.

— Теперь так всегда будет, — пообещал я и поинтересовался: — А что еще говорила?

— Ой, и Соню она тоже упоминала, Пашкину мать, — вдруг вспомнила Вера Андреевна.

Я насторожился.

— Понимаешь, после смерти Пашки Соня осталась практически одна, замкнулась, избегает людей…

А я вспомнил ее рассказ на кладбище о том, как Пашка говорил: «Если можно было бы вернуть ему жизнь, я бы свою отдал». А прежний Серега когда-то тоже сказал: «Лучше бы вместо меня кто-нибудь нормальный жил».

Сопоставил эти слова с реакцией Системы: «Выявлена незавершенная социальная связь. Условия доступа не выполнены».

И задал вопрос Серегиным родителям:

— А где сейчас живет эта Соня? У вас есть ее адрес?

— А зачем тебе? — удивилась Вера Андреевна.

— Да так, поговорить хочу, — отмахнулся я, будто это была мелочь, не стоящая внимания.

— Только ты не тревожь ее, она и так натерпелась, — предупредил меня Николай Семенович.

— Адрес я тебе напишу, — пообещала Вера Андреевна. — Кстати, ты знаешь, сынок, после смерти Пашки Соня пыталась передать тебе что-то. Правда, ты тогда сильно был… эм… не в духе…

— Да ладно. Говори прямо, — сказал я. — Пил, избегал людей. Правильно?

— Ну да, ты отказался с ней разговаривать.

— А что она хотела передать? — уточнил я.

— Ой, я не знаю, сынок, по правде говоря, не знаю.

— А почему раньше не сказала?

— А ты разве нас слушал?

Я уже собрался уходить. Вера Андреевна записала мне на листке адрес Сони и принялась собирать контейнеры с едой, я попытался отговориться тем, что вечером зайду к Танюхе и у нее поужинаю.

— Вот и хорошо, — нравоучительно ответила Вера Андреевна. — Как раз и блинов поедите, Степка очень любит мои блины.

— Кстати, думаю, скоро Танюху со Степкой заберу в санаторий, — поделился своими планами я. — Как раз будут каникулы весенние, Степка пусть там бегает, воздухом свежим дышит, а Танюхе я хочу поручить оформление части помещений.

— О, вот это дело! — одобрил Николай Семенович. — Она нам такой ремонт красивый сделала.

— Да и в твоей квартире тоже такая прям красота, — перебила его Вера Андреевна.

— Да, красота, — сказал Серегин отец.

— Но ты ей заплати, чтобы хорошо было, а не по-дружески, — сказала Вера Андреевна, и я согласился.

И уходил я из этой квартиры с ощущением, что провел несколько часов с действительно родными людьми.

Глава 4

Эх, как же не хотелось после хорошего, душевного разговора с Серегиными родителями тащиться сейчас на другой конец города, да еще в такую лютую погоду, и заниматься всеми этими документами и конфликтом с Фаридой! Но выбирать, как говорится, не приходилось.

Я подъехал к арендованному офису Наиля и посмотрел на часы — получилось, что успел даже чуть раньше. Пока я искал, где припарковаться, на телефон позвонили. На экране высветилось имя Евы. Раз так, я принял вызов.

— Слушаю, Ева Александровна, — сказал я, пытаясь аккуратненько втиснуться между двумя автомобилями.

— Сергей Николаевич, а вы далеко? И когда будете?

— Да минут пять надо, я паркуюсь. А что такое?

— Пожалуйста, не опаздывайте только.

— Ева Александровна. — Я тоже перешел на официальный тон, чувствуя ее нервозность. — Я вообще-то даже раньше приехал. Успокойтесь.

— Вот и хорошо, — проворчала она и отключилась.

А я сразу понял, что настроение у нее не просто отвратительное: ее буквально колбасит. Ну ладно, будем сейчас тушить пожар всеми подручными средствами.

Когда я вошел, Ева уже устроилась напротив Наиля за большим овальным столом, заваленным внушительными стопками документов. Коллеги были мрачные, но если Наиль просто сердитый, то Ева метала громы и молнии.

— Приветствую, коллеги! Судя по вашим лицам, Фарида купила уже не только долю Алисы, но и всех нас с потрохами? — попытался разрядить обстановку я.

Ева даже не улыбнулась.

— Почти угадали, Сергей Николаевич, — пододвинул ко мне письмо Наиль. — Сама она так и не приехала, зато прислала вот это. Смотрите: покупать она нас, конечно, не собирается, но все гораздо хуже. Она решила получить нас бесплатно!

— В каком смысле? — удивился я, сняв куртку и усаживаясь в кресло напротив.

— А вот сами смотрите. Она направила официальное требование о предоставлении документов санатория и уведомила, что намерена участвовать в ближайших корпоративных решениях.

— Меня это сильно удивляет, — сказал я. — Она ведь еще недавно даже не была зарегистрирована как участница.

— Она и сейчас не участница: я смотрел реестр перед вашим приходом, записи пока нет, — пояснил Наиль. — Но как только переход доли зарегистрируют, игнорировать законные права Фариды будет нельзя, даже если мы оспариваем сделку.

— И что, мы, получается, должны будем ей все показать?

— Не все, что она хочет, а только то, на что она будет иметь право, — поправил меня Наиль, а Ева зло добавила:

— А хочет она все, включая фамилии сотрудников и все наши договоры.

— Вот смотрите. — Наиль показал вторую бумагу.

Я вчитался. Согласно документам, Фарида предлагала провести внеочередное собрание участников общества. В повестке значилось всего несколько пунктов, на первый взгляд сформулированных вполне разумно. Первое: оценка финансового состояния санатория. Второе: проверка договоров на закупку оборудования. Третье: обсуждение сроков открытия. И четвертое: оценка эффективности руководства.

На последнем пункте я конкретно так завис. По сути, это вопрос о доверии действующему руководству, то есть мне. И возможное изменение порядка контроля расходов.

— Не понял. — Я поднял изумленный взгляд на Еву и Наиля. — Она что, хочет посадить над нами своего человека?

— Ну, пока она лишь якобы предлагает обсудить контроль, — зло усмехнулся Наиль, — согласно вот этой бумажке. Но дальше действительно может потребовать кадровых решений.

— Да эта дрянь ни копейки сюда не вложила! — вспыхнула Ева.

— Успокойтесь, Ева Александровна, это совсем не тот аргумент, который стоит приводить в суде, — сказал спокойно Наиль. — Долю она купила. А когда переход зарегистрируют, объем ее полномочий определят закон и устав, а не ее хотелки.

— А покажите-ка устав, — попросил я.

Я, конечно, еще до регистрации его пролистал, но, честно говоря, смотрел мельком. Сейчас же ситуация стала такой, что явно придется изучать все вдоль и поперек. Будет теперь у меня новая настольная книга для чтения на ночь.

— Я хочу напомнить, — сказал Наиль, протягивая мне устав, — что ряд принципиальных решений требует особого порядка голосования, то есть Фарида не сможет единолично переписать правила управления. Но когда она станет участницей, ни вы, Сергей Николаевич, ни мы с Евой Александровной не вправе будем просто запретить ей задавать вопросы. Да и запороть любое решение она легко потом сможет.

Я аж присвистнул. Я-то рассчитывал, что Наиль принесет какие-то бумаги, мы их все подпишем, и Фариду получится отодвинуть. А вместо этого выясняется, что даже выигранный судебный спор в будущем не обязательно избавит нас от всех последствий ее действий.

— Что вы предлагаете? — Я, как мудрый руководитель, решил делегировать этот вопрос подчиненным, а потом посмотреть, что они скажут, и все подытожить.

— Я предлагаю отвечать на каждое требование письменно и строго в рамках закона, — откинулся Наиль на спинку стула и побарабанил пальцами по крышке стола.

— То есть мы вместо работы теперь будем с ней бесконечно переписываться? — помрачнел я. — Бумажный пинг-понг устроим?

— Если мы хотим сохранить работу, придется, — посмотрел на меня Наиль. — А теперь обратите внимание на пункт о закупках. Страница восемнадцать, пункт «Г».

Мы с Евой открыли документы на нужной странице.

— Смотрите вот сюда, вторая строчка, — продолжил Наиль. — Фарида требует проверить договоры с поставщиками, ссылаясь на задержку поставки оборудования.

— Оп-па! — чуть не подпрыгнул я. — А откуда это она знает про задержку?

— Может, кто-нибудь рассказал? — предположила Ева.

— Кто? — посмотрел я на нее. — Знают только Сашка, я, этот Михаил и вы.

— Значит, кто-то еще, — пожала плечами Ева.

А я вспомнил недавний разговор с Сашкой: поставщик Михаил тоже знал о якобы перенесенном открытии санатория. Получается, два разных человека располагают сведениями, которые вообще нигде не должны были широко обсуждаться.

— Вот это я суперпуперный руководитель, — нахмурился я. — Зашибись. Даже не могу проконтролировать утечку информации…

Я посмотрел на Наиля и спросил:

— Слушай, Наиль Русланович, а можно как-то установить, кто передал ей информацию?

Наиль пожал плечами:

— Если у нас есть конкретные основания полагать, что кто-то нарушил обязательства о конфиденциальности, то, конечно, можно начать разбираться. Но сама по себе осведомленность Фариды вообще ничего не доказывает.

— Давайте проверим всех, кто имел доступ к договорам? — предложила Ева.

— Погоди, — сказал я, гася ее энтузиазм. — Не надо устраивать охоту на ведьм. У нас санаторий до сих пор качает, после того как эти придурки жгли священную рощу и тюкнули по темечку Япара. Давай пока без инквизиторских мер обойдемся.

— Я тоже считаю, что не надо раздувать, — поддержал меня Наиль. — Давайте рассмотрим более спокойный вариант. Например, определим круг лиц, получавших документы, и попробуем потом восстановить историю переписки с поставщиком.

— Так, мне надо будет не забыть позвонить Сашке попозже, — сказал я, — и попросить сохранить всю переписку с Михаилом.

— Я сама позвоню, — торопливо сказала Ева и чуть покраснела.

Я кивнул, соглашаясь.

— Просто еще может быть и такое, что информация ушла не из санатория, — задумчиво сказала Ева, торопливо набивая сообщение в телефоне, — а от самого поставщика. А если так, то Фарида, возможно, заранее с ним общалась.

— Ну ты голова! — восхитился Наиль.

— Да это мне Сашка сейчас написал, это он так думает.

— Но это пока только подозрения, — сказал я, решив закончить гадание на кофейной гуще и перейти сразу к действиям. — Ладно, а что там с нашим иском?

— Сейчас, секундочку. — Наиль достал договор продажи доли Алисы. — Вот посмотрите. Документы для защиты преимущественного права подготовлены, но есть один очень серьезный практический момент: если суд переведет права и обязанности покупателя на Еву, ей потребуется исполнить финансовые обязательства покупателя.

— Я знаю, — раздраженно сказала Ева.

— Ева Александровна, знать это мало, нужно подтвердить, что вы готовы. Смотрите! — И Наиль показал сумму из договора. — Это копия, которую Фарида приложила к сегодняшнему требованию. А в бумагах, которые она подавала первоначально и которые мы с вами смотрели в санатории, цифра стояла другая.

При виде этой суммы у нас с Евой глаза полезли на лоб. Она была значительно выше прежней, той, которую Ева рассчитывала собрать с помощью отца. Ева поджала губы, помрачнела, но все равно упрямо сказала:

— Найду.

— Ева Александровна, давайте мы вам тоже поможем? — сказал я. — Можно попробовать через Терновского инвесторов поискать.

Она резко взвилась:

— Я уже говорила, Сергей Николаевич, это моя проблема.

— Нет, Ева Александровна, это проблема нашего санатория.

— Но долю собираюсь покупать я. Тут дело принципа, — не уступала Ева.

Неожиданно Наиль жестко прервал нас:

— Прекратите, пожалуйста, оба. Суду будет совершенно безразлично, кто из вас кому что обещал. Нам нужно доказать юридически значимые обстоятельства и выполнить все процессуальные требования. Если будете между собой спорить, Фариде даже стараться не понадобится.

Я впервые увидел, что Наиль по-настоящему сердился. А вот почему Ева так упирается, я не понимал и запустил на нее эмпатический модуль.

Сканирование завершено.

Доминирующие состояния:

— Гнев (77%).

— Страх (68%).

— Решимость (59%).

Дополнительные маркеры:
— Губы сжаты, плечи напряжены.
— Дыхание учащенное, поверхностное.

Гнев я видел и без модуля, а вот страха за ним не разглядел. И боялась Ева, похоже, не суммы: любую помощь она воспринимала как признание собственной несостоятельности. Для нее критически важно было показать, что она может сама, причем показать это, видимо, в первую очередь отцу. Но я считал, что здесь она перегибает, потому что ее отказ — это неоправданный риск для общего дела. Только давить на нее сейчас значило лишь усилить этот страх. Поэтому я кивнул Наилю и спор прекратил.

— И попрошу вас обратить внимание, — сказал Наиль, — что цена договора — это не единственное, что необходимо нам сейчас выяснить. Есть вопросы и к обстоятельствам сделки: кто именно предложил Алисе покупателя, кто согласовал условия, когда именно были достигнуты все договоренности. И я вас предупреждаю: не стоит заранее объявлять сделку фиктивной или утверждать, будто Фарида незаконно купила долю. Сам факт продажи еще не означает нарушения.

— А если выяснится, что Алиса вообще не понимала, что подписывает? — прищурился я.

— Тогда возникнет другой предмет доказывания, — пояснил Наиль. — Но мы сейчас гадать не будем, нет смысла.

— А знаете что, — вдруг сказала Ева, — нам нужно сейчас собраться и немедленно ехать в больницу к самой Алисе!

— Зачем? — удивился я.

— Потому что эта дура должна хотя бы раз в жизни поступить адекватно и правильно и помочь исправить последствия продажи доли.

— Эй-эй-эй, — сказал я, пытаясь остановить разошедшуюся девушку. — Ева Александровна, притормозите. Я был у нее сегодня утром, и помочь она уже согласилась. Документы по сделке отдаст через своего бывшего юриста, а тебе, Наиль, сама расскажет, кто готовил продажу. Завтра после обеда она будет тебя ждать: утром у нее процедуры.

— Завтра? — вскинула недовольный взгляд на меня Ева. — Да она до завтра десять раз передумает! Ехать надо сейчас.

— Давайте не забывать, что Алиса недавно пыталась покончить с собой и сейчас восстанавливается. Она еще очень нестабильна.

— А нас она пожалела, когда Фариде долю продавала? — зло прищурилась Ева.

— Нет, — сказал я, — но это все равно не дает нам права ее сейчас добивать.

— Сергей Николаевич, — поджала губы Ева, — вы опять всех начинаете спасать!

Сам не знаю почему, но эта фраза больно меня ударила. Еще буквально недавно я пытался сложить разрозненные кусочки мозаики и понять, не в этом ли заключается мое предназначение, а сейчас Ева, по сути, насыпала мне соль на рану, сама даже не зная этого.

— Ладно, — сказал я. — С Алисой встретится Наиль, завтра, как мы с ней и условились. И разговаривать с ней нужно без давления, угроз и всякого шантажа. И не кричать на нее.

— А я к завтрашнему дню подготовлю перечень конкретных вопросов, — сказал Наиль. — И для начала спрошу, в какой форме она готова добровольно дать объяснение. Может, достаточно будет ее письменного ответа.

— Мы теряем время, — фыркнула Ева и демонстративно закатила глаза.

— Возможно, — сказал я, — но я не хочу воевать с Фаридой ее методами.

Ева прищурилась:

— А вот я хочу.

На несколько секунд повисло тяжелое молчание.

— Алиса дура, — сердито фыркнула Ева, пытаясь оправдаться, — и мы не должны ей потакать. Если санаторий утонет, если Фарида его добьет, а она это стопроцентно сделает, то я думаю, что Алиса, понимая, что из-за нее это все, пойдет резать себе вены второй раз.

— Ева, — сказал я, — то, что будет когда-то, мы сейчас не можем предугадать. Я хочу, чтобы ты понимала, что Алиса в данном случае тоже жертва.

— Да какая она жертва?! — фыркнула Ева. — Старая, потасканная дурында, которая втрескалась в альфонса и похерила всю свою карьеру и всю жизнь, которую она нарабатывала годами. А теперь все, кому она нужна будет? Под забором теперь!

— Ева, ты несправедлива, — покачал головой я. — Я понимаю, что у тебя личная война с твоей мачехой и что она тебе всю жизнь тоже перекорежила. Но давай не будем окончательно добивать Алису. Она и так напортачила. И она это понимает.

— Ну, хоть понимает, и то ладно, — язвительно сказала Ева. — Хотя, честно говоря, я до сих пор ее не понимаю. Как взрослая баба, бизнес-леди, которая создала такую, по сути, империю, могла так тупо из-за каких-то штанов Виталика слить свою жизнь?

Она покачала головой. Наиль тоже. Видно было, что они мыслят одинаково. Я вздохнул и сказал:

— Понимаете, есть же разные люди. Вот замечали ли вы, как такие сильные женщины часто выбирают совершенно безответственных мужчин или вообще каких-то алкашей, или альфонсов?

Наиль кивнул. Ева поджала губы, но видно было, что она тоже замечала.

— Иногда со стороны хочется спросить: господи, ну почему ты выбрала именно такого придурка? Но именно поэтому так и происходит. Понимаете? У каждого из нас есть какие-то качества, которые мы в себе подавляем. Например, ответственная девочка очень боится, что ее ленивая или безалаберная сторона внезапно вылезет наружу. И подавляет в себе это изо всех сил, с самого детства. Поэтому, когда приходит время выбрать пару, она, как правило, подсознательно выбирает такого человека, который живет одним днем, который может уволиться, не имея новой работы, купить дорогой автомобиль на последние деньги или пойти и все спустить на отдых. Потому что он позволяет себе то, что она себе насильно запретила. И вот примерно такая же ситуация произошла с Алисой. И Виталий, притом что там смотреть особо не на что, все-таки учитель, не забывайте. А они в пединституте изучают столько психологии, педагогики, что нам и не снилось. Поэтому он прекрасно эту особенность в Алисе подметил и легко ее обработал. А там дальше уже он сам попал в загребущие лапки к Николь. Хотя я вот считаю, что там не просто треугольник, там есть что-то еще. Думаю, время придет, и я выясню, кто стоит за этими марионетками. А Алиса просто попалась, влипла. А то, что она ему все деньги отдала, — так он ей, видимо, в уши красиво напел, что, мол, теперь мы с тобой заживем, а я буду главой семьи. Вот она и хотела спасти эту семью. Доверилась ему, даже не подумала, что он может и второй раз обмануть. Ну вот так и произошло. А когда поняла, было уже поздно. Ну и решила оборвать свою жизнь. Вот и все.

Ева кивнула и покраснела от того, что так про Алису говорила.

В этот момент у нее зазвонил телефон. Она сначала хотела выйти, но потом посмотрела на меня, еще больше покраснела и ответила. Я слышал только ее голос:

— Папа, я же просила…

…

— Нет, я не хочу, чтобы ты с ней из-за меня ругался.

…

— Папа, я же сказала, что я справлюсь.

Потом она надолго замолчала, и лицо у нее изменилось. Затем прошептала:

— Папа, не надо. Какой развод?!

Некоторое время она сидела неподвижно.

— Я тебя прошу, не надо! Не надо из-за меня это делать.

В трубке раздались гудки. Она положила мобильник на стол и застыла, бездумно глядя вперед. Я осторожно спросил:

— Ева, у тебя все нормально?

Она покачала головой и подняла полные слез глаза:

— Нет.

А затем добавила:

— Представляете, Фарида ему сказала, что, если он даст мне деньги, она с ним разводится.

— Ну и хорошо, — сказал Наиль, потирая руки. — С такой бабой жить врагу не пожелаешь. Отец у тебя мужик еще ого-го, найдет себе десять таких, как Фарида. Еще и получше!

— Вы не понимаете, ребята, — покачала головой Ева. — Почти все имущество, которое мой отец нажил, все компании — все записано на Фариду. Сами знаете, такая специфика его работы. Так было надо. И теперь, когда они будут разводиться, мой отец останется ни с чем.

— По закону все нажитое в браке общее, на кого бы оно ни было записано, — осторожно заметил Наиль. — И делится через суд.

— По закону делится, — сказала Ева. — А судиться с ней отец не станет. Он скорее все ей оставит, чем понесет свои дела в суд, где в них будут копаться чужие люди.

— Это уже не юридический вопрос, — признал Наиль.

Она тяжко вздохнула. Мы с Наилем зависли, не зная, что ей сказать. Да, ситуация патовая: от моей помощи Ева отказалась, а деньги отца теперь грозили ему разводом.

— Я сейчас ей позвоню и все выскажу, что об этой твари думаю! — подскочила Ева и схватила телефон. — Мразь такая! Сволочь!

— Стой! — Наиль отобрал у нее телефон и отодвинул на край стола.

— Да, Ева, не торопись, — сказал я. — Успокойся.

— Что? — возмутилась Ева. — Вы предлагаете мне молчать, пока Фарида разрушает жизнь и дело моего отца?

— Ну сама посмотри, Ева. Конечно, ты сейчас можешь ей позвонить, можешь накричать, высказать, как ее ненавидишь, — сказал я, — и этим доставишь ей огромное удовольствие…

Ева вскинула на меня удивленные глаза.

— …или же можешь подписать документы и сделать то, чего она действительно боится.

Ева долго молчала, барабанила пальцами по столу, смотрела в окно, опять молчала, потом взяла ручку, порывисто подписала и прошипела:

— Все, теперь я уж точно не уступлю, я ее уничтожу!

— Вот и хорошо, — флегматично подытожил Наиль, аккуратно раскладывая все бумажки по ровным стопочкам.

Я тоже подписал все необходимые заявления, что подсовывал мне Наиль: доверенность на представление моих интересов, согласованные процессуальные бумаги и еще какую-то ерунду.

Ева подписывала свою пачку бумаг.

Наиль еще раз перепроверил наши комплекты и удовлетворенно улыбнулся, пряча их по папкам. Я спросил:

— Когда суд будет?

— Сначала документы должны быть правильным образом поданы. А дальше сроки зависят от процессуальных действий суда, — с важным видом пояснил Наиль.

— То есть теперь нам просто сидеть и ждать? — уточнил я.

— Нет, теперь начинается самая главная работа, и нам нужно готовиться, конечно, к ответным действиям Фариды, — сказал Наиль. — Вряд ли она просто примет иск и станет спокойно ждать заседания.

Когда я уже собирался уходить, юристу пришло новое письмо на почту. От представителя Фариды. Он аж подпрыгнул, затем прочитал и заметно помрачнел.

— Что там еще? — спросила Ева.

— Представляете, Фарида уже не предлагает, а требует созвать внеочередное собрание участников. И в повестку добавила новый вопрос: о независимой проверке финансовых операций санатория, — поднял на нас обалделый взгляд Наиль.

— Ну, в принципе, мы же так и думали, что она это сделает, — развел руками я.

— Но самое главное не это, — продолжил Наиль, — а перечень конкретных договоров, которые она хочет проверить. И смотрите: среди них есть договор, о существовании которого Фарида из общедоступных источников узнать не могла!

Повисло молчание.

Наиль показал нам на экране телефона вложение. В перечне значился договор на поставку оборудования — с внутренним номером приложения и указанием на измененную спецификацию.

— Подождите, — не понял я. — Это что, случайность? Совпадение?

— Не знаю, — вздохнул Наиль, — но у меня к этому письму появились очень серьезные вопросы.

— Среди нас предатель, — испуганно сказала Ева.

— Ну, пока у нас только это письмо. Давайте сначала выясним, откуда эти сведения могли к ней поступить, — сказал я.

— Ладно, я перепроверю цепочку передачи, — пообещал Наиль.

Про характеристики холла и маленький договор, обещанные утром Алисе, я решил сейчас даже не заикаться: Наилю скажу отдельно, а Еве напишу вечером, когда она остынет.

И я вышел из офиса, оставив их заниматься документами. Чувство у меня было неприятное. Мы все документы подписали, но никакого облегчения не наступило. Было ясно, что борьба только-только начинается.

Я сел в машину и какое-то время просто сидел, переваривая события. А затем достал листок, на котором Вера Андреевна под адресом приписала и номер телефона, вздохнул и позвонил Соне, матери Пашки Мельника.

Глава 5

На следующий день я сел в машину и вдруг подумал: а зачем вообще туда еду, к этой несчастной Соне? Врачебного повода вроде нет, лечить я ее уж точно не собираюсь. По идее, нужно выяснить, что она пыталась передать Сереге после смерти Пашки и почему для нее это было так важно, но как-то все это выглядело не очень красиво. Пожилая женщина потеряла единственного сына, а я сейчас приеду и начну ее расспрашивать об этой давней трагедии, сыпать соль на рану, ковырять это все ради собственного расследования.

Но делать нечего, надо ехать, иначе Система от меня не отстанет.

Я медленно катил по заснеженному проспекту, поток машин был слабым, меня никто не напрягал и не мешал размышлять о том, что сейчас произойдет. Мысли крутились вокруг гибели Наташи. Я уже много слышал о ревности Пашки, о том, что была задержка медицинской помощи, о том, что Михаил Петрович Мельник, чтобы замести следы, исправлял в документации целые куски текста.

Это все было понятно, но оставался еще один невыясненный вопрос: почему Пашка, если он действительно чувствовал свою вину, не признался Сергею? Ведь, по словам медсестры Ларисы, после похорон он ходил к нему чуть ли не каждый день. Почему вместо признания предпочел умереть? Вот это для меня было вообще запредельно.

Если бы это был какой-то пылкий вьюнош со взором горящим — я бы еще как-то мог принять это, но циничный врач, причем уже довольно-таки вменяемого возраста. Правда, та же Лариса говорила, что в последний год Пашка сидел на какой-то дряни, но одним этим всего не объяснишь.

Нет, не понимаю!

Я пытался мысленно поставить себя на его место. И попробовать думать как он: ну вот что он должен был чувствовать, чтобы наложить на себя руки? И неожиданно припомнил собственную смерть. Я ведь тоже считал себя умным человеком. Да что там говорить, я себя считал гениальным! Думал, что могу разобраться с любым противником и все мне по плечу. Но при этом тупо проморгал, как меня буквально за ручку подвели к собственной гибели. И сделали это именно те люди, на которых я бы никогда не подумал. Следом возникла еще одна неприятная мысль: а может, этот Пашка тоже не понимал, насколько все далеко зашло, пока не стало слишком поздно? Хотя это все равно не оправдывает того, что он сделал с Наташей.

Но, во всяком случае, придумать объяснение я попытался. Как сумел.

Тем временем я подъехал к старой рыжей хрущевке, благо места для парковки во дворе было много, так что я быстренько пристроил свой автомобиль возле небольшого стада других машин и вошел в подъезд. Их здесь было всего два. Старый, обшарпанный, он встретил меня сыростью и отлупившейся кое-где штукатуркой. На лестнице остро пахло кошачьей мочой и чем-то еще нехорошим. Правда, на одном из лестничных пролетов я увидел на подоконнике старые цветочные горшки, и даже несколько чахлых растений там были условно живыми.

Я поднялся на третий этаж и позвонил.

За дверью послышались шаркающие шаги.

— Кто там?

— Софья Леонидовна, извините, это Сергей. Сергей Епиходов. Мы с вами вчера разговаривали.

В ответ — тишина.

Я стоял с этой стороны, на вонючей площадке перед закрытой дверью, и не знал, что дальше делать. Наконец из-за двери раздался слабый дрожащий голос:

— Я передумала.

Ничего себе! Я аж обалдел.

— Софья Леонидовна, а что случилось? — осторожно спросил я. — Может, вы себя плохо чувствуете?

— Ничего, — глухо сказала она. — Уезжай, Сергей.

Я попытался ей объяснить, что я хочу просто поговорить и не займу много времени, буквально пару минут.

— Мы уже с вами поговорили на кладбище, — опять раздался глухой голос Сони.

Послышались удаляющиеся шаги, а я остался стоять на лестнице. Очень хотелось развернуться, уйти и забыть обо всем этом. Почему я должен копаться в какой-то мутной истории? Это вообще не моя история. Вот нафиг оно мне надо?! Но при этом я прекрасно понимал, что мне обязательно нужно решить этот квест, потому что второй шанс может и не выпасть.

Я еще раз нажал на звонок и, заслышав шаги, громко сказал:

— Я приехал не обвинять вас, Софья Леонидовна!

Из-за двери послышался шорох.

— А зачем тогда?

Я задумался, что ответить, чтобы не вспугнуть, потому что раз уж она вышла на диалог, можно будет как-то найти общий язык. Почему-то мелькнула мысль о том, как же тяжело приходится переговорщикам со всякими террористами и с прочими преступниками. Буквально любое полуслово или неправильно выбранный тон могут полностью переломить ход тщательно выстроенных событий.

Пока я подбирал слова и не знал, как начать, Соня вдруг сказала сама:

— Ты ведь все равно считаешь, что это Пашка убил Наташу.

Я ответил не сразу. Решил: эх, была не была, не буду реверансы эти все изображать. И сказал прямо:

— Да, я считаю, что он виноват в том, что помощь ей оказали слишком поздно. Но хочу понять, что произошло.

Неожиданно дверь открылась. На пороге стояла Соня. Она была в старом линялом халате, настолько застиранном, что первоначальный цвет его едва угадывался. Правда, волосы аккуратно причесаны, но при этом никакого макияжа, видно, что ни лица, ни рук давно не касался крем. Она посмотрела на меня, чуть подслеповато прищурившись, и глухо и неприязненно сказала, словно выдохнула:

— Ну, заходи, раз такой правдолюбец.

Она провела меня на кухню, перед этим дав переобуться. Тапочки тоже были из категории «прощай, молодость», с вывороченными пятками и жутко неудобные. Но выбирать не приходилось, поэтому я послушно сунул в них ноги и так пошел.

Квартира была небогатая, но при этом очень чистая, практически стерильная. На стене во множестве висели фотографии: Пашка на выпускном, Пашка в школьном костюме, Пашка на субботнике сажает деревья, и несколько общих фотографий с родителями. На одной, самой большой, он совсем молодой, с гитарой, белозубо и радостно улыбается. Я смотрел на этот иконостас и понимал, что до сих пор я почему-то представлял Пашку неким преступником, злобным мерзавцем, который погубил Наташу. А здесь, на фотографиях, он совершенно обычный, симпатичный и веселый парень. Про которого ничего такого даже и не подумаешь. А ведь для Сони он был сыном, которого она растила, любила, ждала домой…

Она заметила мой взгляд и сказала тихо:

— Хороший был мальчик. — А потом с вызовом добавила: — Пока с вами не связался.

Я не стал спорить, просто молча сел за стол и положил руки перед собой, как пятиклассник на уроке математики. Соня шаркающей походкой подошла к плите и бухнула на нее чайник, затем чиркнула спичкой, включила газ и развернулась ко мне. Руки у нее заметно дрожали, но она изо всех сил делала вид, что все нормально.

Я автоматически это все отмечал, как врач, однако расспрашивать и обсуждать ее болезни не стал. Даже Систему не стал сейчас призывать, от греха подальше: увижу диагнозы — начну лечить, а я приехал сюда не за этим.

Соня стояла передо мной и смотрела долгим, изучающе-пронзительным взглядом. И наконец сказала резко и неприязненно:

— Ты зачем на кладбище приходил? Совесть свою хотел очистить?

— Да я с родителями Наташи приехал. Точнее, привез их, — попытался миролюбиво пояснить я.

— А где ты раньше был? — сказала она, словно выплюнула.

Я не знал, что здесь можно ответить, поэтому промолчал. А она продолжила, все больше и больше заводясь:

— Пока Паша живой был, ты с ним даже разговаривать не хотел! Когда умер, проститься не пришел!

Я опять не знал, что ей сказать, потому что это обвинение вообще не ко мне, а к прежнему Сереге. Но не буду же я ей это все объяснять.

— После смерти Наташи Паша с тобой хотел встретиться, и не один раз, но ты его всегда выгонял. И вот в последний раз, когда так случилось, Пашенька вернулся домой в ужасном состоянии, — всхлипнула она и без сил опустилась на табуретку, уронив руки на колени, плечи ее поникли. — Я считаю, что именно тогда мой сын окончательно сломался.

А вот это с рассказом Ларисы уже не сходилось: по ее словам, Пашка не просто заходил к Сереге, а пил с ним, водил играть в карты и одалживал деньги. Или мать об этом не знала, или под конец Серега и правда перестал пускать его на порог.

— Софья Леонидовна, — осторожно сказал я, — понимаю, что вам больно, и понимаю, насколько, но и вы поймите: вашего сына сломала смерть Наташи. А Наташа умерла не потому, что я отказался разговаривать с Пашкой.

— Ты думаешь, я этого не знаю?! — вспыхнула Соня и, наверное, впервые за все это время произнесла вслух: — Я знаю, что мой сын виноват!

И разрыдалась.

Я набрал в стакан воды и поставил перед ней. Она схватила его, как утопающий соломинку, и, цокая зубами о край стакана, принялась большими глотками громко пить воду. Наконец она чуток успокоилась и подняла на меня покрасневшие глаза.

— Ты пойми, Пашка не хотел никого убивать, — хрипло сказала она.

— Я вам верю.

Она так удивилась, что чуть не опрокинула стакан, и посмотрела на меня расширенными глазами. А я продолжил:

— Но человек может не хотеть смерти другого и все равно сделать то, после чего этот другой умрет.

— Ты обвиняешь, словно на суде, — глухо сказала Соня и отвернулась, уставившись на стенку.

— Нет, я рассуждаю как врач.

Она вскинула на меня изумленный взгляд.

— Понимаете, Софья Леонидовна, при тяжелом кровотечении каждая минута может иметь значение, особенно когда речь идет об отслойке плаценты, — начал объяснять я. — А еще плюс геморрагический шок и нарушение свертывания крови.

А потом добавил:

— Поверьте, я не могу утверждать, что Наташа выжила бы, если бы они все сделали вовремя. Но у нее должен был быть шанс.

Соня начала громко плакать и вдруг сквозь рыдания и всхлипывания спросила:

— А у моего сына был шанс?

Я промолчал, потому что не знал, что ответить. Это уже отнюдь не медицинский вопрос.

И тут раздался звонок в дверь. От неожиданности и я, и Соня аж вздрогнули и посмотрели друг на друга. Соня торопливо вытерла глаза тыльной стороной ладони, шмыгнула носом и пошаркала открывать. Я выглянул из кухни, благо от моего стула было видно входную дверь.

На пороге стояла соседка лет шестидесяти пяти, которая куталась в теплую вязаную шаль. В руках она держала пакет.

— Сонечка, — защебетала она, — я тебе лекарства из аптеки принесла, какие ты просила. Ты уж меня извини, что не сразу отдала. Анютка позвонила, что младшего внука оставить не на кого, поэтому я сперва зашла к ней и только сейчас, когда она вернулась, вот наконец-то выбралась к тебе.

— Ничего, ничего, — пробормотала Соня, забирая пакет.

Тут эта женщина перевела взгляд на меня. И явно узнала. Ее тон сразу стал враждебным и злым.

— А ты что здесь забыл? — практически прорычала она и попыталась войти в квартиру.

Соня попробовала ее остановить, но соседка разошлась вовсю. Она принялась меня обвинять в том, что после смерти Наташи я травил Пашку и что довел его до самоубийства.

Я молчал, пока соседка бесновалась на площадке, потом все-таки не выдержал и спросил:

— Женщина, а вы сами слышали, чтобы я ему угрожал?

Соседка явно растерялась.

— Все так говорили, — удивленно сказала она и беспомощно посмотрела на Соню в поисках поддержки.

— Кто именно говорил? — спросил я.

— Да что ты мне допрос устроил! — возмущенно выпалила она. — Убийца!

И тут неожиданно за меня вступилась Соня.

— Люда, хватит, я сама его позвала.

— Соня, ты чего, забыла, что он с твоим сыном сделал? — удивилась соседка.

И тут вдруг Соня произнесла:

— А ты знаешь, что мой сын с его женой Наташей сделал?

Соседка тут же умолкла и ошарашенно уставилась на нас. А потом ушла, обиженно хлопнув дверью.

А Соня осталась стоять посреди прихожей, тяжело дыша и схватившись рукой за стенку.

Я понял, что ей тяжело и она вот-вот упадет, поэтому подхватился и, взяв ее под локотки, осторожно завел на кухню и бережно усадил за стол. Тут уже стало не до деликатности, и я запустил диагностику.

Диагностика завершена.

Объект: Мельник Софья Леонидовна, 58 лет.

Основные показатели: температура 36,6 °С, ЧСС 108, АД 165/95, ЧДД 22.

Обнаружены аномалии:

— Острая стрессовая реакция: тахикардия, тремор, учащенное дыхание, подъем артериального давления. Признаков острого нарушения мозгового и коронарного кровообращения не выявлено.

Ни инсульта, ни инфаркта: давление подскочило на нервах, и сейчас ей нужно было просто посидеть и отдышаться. Как раз вскипел чайник, я нашел в ящике упаковку с чаем, налил кипятка в чашки, забросил туда пакетики и подал ей.

— Пейте, — сказал я.

Она долго молчала, тупо смотря на чашку с остывающим чаем, а потом вдруг начала рассказывать.

— Понимаешь, Сережа, — тихо сказала она, причем говорила настолько тихо, что мне пришлось сесть совсем рядом, чтобы расслышать. — После смерти Наташи Пашка почти перестал спать. Он ходил по квартире ночами, иногда начинал внезапно плакать. Вот разговаривает, как я сейчас с тобой, что-то рассказывает, потом раз — и в слезы. Миша пытался его успокоить, но все становилось еще хуже. Как мы ни старались, ничего не выходило. Отец говорил, что все уже произошло, ничего не изменить и нужно жить дальше. Но Пашка не мог. А однажды я услышала, как они с отцом ссорятся. Пашка на него кричал, мол, ты думаешь, если бумажки переписать, Наташа оживет? Отец сказал, что он пытается спасти семью. Честно говоря, я тогда вообще не поняла, о каких бумагах идет речь. Потом, уже позже, догадалась.

— Послушайте, Софья Леонидовна, — спросил я, — а Михаил Петрович когда-нибудь рассказывал вам, что произошло в больнице на самом деле?

Соня резко вскинула на меня взгляд и дернулась так, что чай чуть не расплескался. Я отобрал у нее чашку и поставил подальше на стол.

Женщина помолчала и глухо ответила:

— Он Пашку спасал.

— От чего?

— От тюрьмы.

— Это понятно… но кто спасал Наташу? — посмотрел на нее я.

Соня вскочила:

— Ты опять начинаешь!

Я понял, что явно перегнул палку, но вопрос уже прозвучал. Она долго смотрела на меня испытующим взглядом, от которого аж мурашки по спине побежали, затем села.

— Никто, — тихо сказала она. — Вот что страшно, Сережа. Никто ее не спас.

И начала тихонечко плакать. А мне стало стыдно, потому что я приехал к этой несчастной женщине за ответами, а сам заново заставляю ее переживать худший день в ее жизни. Соня рыдала. Наконец она с горем пополам справилась со слезами и продолжила рассказывать, что видела, как сын постепенно угасает, но не могла ему помочь. Она боялась обращаться к психиатру, потому что думала, что его поставят сразу на учет, уволят с работы, начнут задавать вопросы о больнице.

— Ты же понимаешь, как у нас относятся к тем, кто стоит на учете у психиатра: ни о какой работе дальше и думать нельзя…

Я кивнул:

— Да, наше общество еще не научилось нормально к этому относиться.

— Поэтому я просто старалась быть рядом, — пояснила она и продолжила со вздохом: — Кормила, уговаривала поспать, следила, как могла, чтобы он не пил. Но этого все равно не хватило. Сережа, ты понимаешь? Я же мать, Сережа, я должна была понять.

— Но вы не могли знать, о чем он думает, — попытался успокоить ее я.

Она покачала головой с тяжким вздохом:

— А кто должен был знать, если не я?

Я тоже вздохнул. Как у этой женщины много общего вот с этим казанским Серегой. Ведь он тоже, по сути, всю свою оставшуюся жизнь считал, что он должен был тогда проснуться и спасти любимую женщину. Так же как Соня сейчас думает, что должна была заметить, разгадать состояние сына и предотвратить его самоубийство. Оба они себя обвиняли в том, чего не могли полностью контролировать.

С жалостью посмотрев на нее, я взял ее руки в свои и осторожно, тихо сказал:

— Софья Леонидовна, вы ведь все эти годы себя наказываете?

Она горько усмехнулась:

— А ты что, меня пожалеть приехал?

— Нет, я хочу понять, почему вы считаете, что должны отвечать за все, что сделал ваш сын?

Она вздохнула и посмотрела на меня ясными глазами:

— Потому что это я его воспитала.

— Так вы воспитали человека, который совершил страшную ошибку, но не вы принимали за него решение в ту ночь, — попытался донести до нее я.

Она долго-долго молчала, а потом спросила:

— А ты сам себя хоть простил?

И тут я завис, оказавшись в какой-то нравственной ловушке. Не будучи прежним Серегой Епиходовым, я знал, что тот себя так и не простил. Иначе он бы не умер, а я не оказался бы здесь вместо него.

Да что говорить, я и сам, как академик Епиходов, тоже не разобрался со своей смертью и предательством близких. Поэтому я ответил:

— Не во всем.

И Соня впервые посмотрела на меня без прежней предвзятости и ненависти. Я сверился с Системой: «Враждебность» в ее профиле сменилась на «Недоверие». Затем она спросила:

— Сережа, ты хочешь узнать, что тебе оставил Пашка?

— Да, — сказал я.

— Уверен, что это надо? — осторожно спросила она.

Ну не мог же я ей рассказать про Систему. Просто ответил, что хочу разобраться в событиях той ночи, что они постоянно мучают меня.

— Чтобы снова судить моего сына? — насторожилась Соня.

— Нет, Софья Леонидовна, чтобы понять правду.

— И что ты с этой правдой сделаешь?

Я честно ответил:

— Пока не знаю.

Соня прищурилась и попросила:

— Если ты, Сережа, найдешь что-то, что подтвердит вину Пашки, сначала поговори со мной, прежде чем рассказывать другим.

— Давайте так, — сказал я. — Сначала я поговорю с вами, обещаю. И использовать эти сведения ради мести не стану. Но и скрывать важные факты, касающиеся смерти Наташи, я не могу. Даже если не брать лично мои чувства, у нее тоже остались родители, сестра.

— Значит, ты опять хочешь моего сына грязью облить, — заплакала Соня.

— Нет, я не хочу никого пачкать, — вздохнул я. — Но правду все равно нужно знать.

Повисло гнетущее молчание.

Я тоже молчал и старался не мешать. Соня должна сама принять решение. А чтобы понять, что с ней сейчас происходит, я запустил эмпатический модуль.

Сканирование завершено.

Объект: Мельник Софья Леонидовна, 58 лет.

Доминирующие состояния:

— Страх ситуативный (74%).

— Вина (69%).

— Решимость колеблющаяся (52%).

Дополнительные маркеры:

— Взгляд опущен, пальцы сцеплены.

— Дыхание неровное, со всхлипами.

— Плечи напряжены, поза закрытая.

Она боялась и никак не могла решиться. Давить на человека в таком состоянии нельзя. Если она мне сейчас скажет уйти, ну что ж, значит, эта социальная связь так и останется незавершенной.

Поэтому я сидел и терпеливо ждал, пока она соберется с мыслями. И вдруг она подняла голову и спросила:

— Сережа, а ты ее до сих пор любишь?

Ее. Я понял, что она имеет в виду Наташу. Но вопрос был для меня очень неприятным, потому что мы сейчас сидели с Пашкиной матерью и говорили друг с другом честно, а я не мог ей ответить честно от имени прежнего Епиходова. Не хотел ее обманывать, поэтому выбрал нейтральный ответ:

— Наташа была для меня очень важным человеком.

— Ты раньше совсем по-другому говорил, — печально усмехнулась Соня.

— Люди меняются, — напрягся я.

Соня смотрела на меня длинным-длинным, пристальным взглядом и вдруг сказала:

— Вот и Тоня сказала, что ты совсем другим стал.

Я хотел перевести разговор, но Соня не дала мне, продолжила:

— Может, так оно и к лучшему. Прежний-то Серега себя совсем погубил.

А я снова напрягся. Получается, что уже несколько человек замечают во мне перемены, и это становится все более опасно. Конечно, вряд ли они поверят в теорию с переселением души. Сейчас они списывают все на то, что Серега Епиходов после этой трагедии мог измениться, но мне все равно надо как-то дальше поаккуратнее действовать.

Затем Соня рассказала, что незадолго до смерти Пашка пришел к ней поздно вечером. При этом он был необычайно спокойным и даже каким-то просветленным, что ли. Она тогда так обрадовалась, решила, что ему стало легче и дальше все будет хорошо. А он попросил сохранить одну вещь и еще сказал:

— Мама, если со мной что-то случится, передай это, пожалуйста, Сереге.

Соня вздохнула:

— Представляешь, а я, дура старая, тогда еще так сильно рассердилась и говорю ему: что значит «если случится»? Ты чего это выдумываешь? Тогда Пашка отшутился и добавил: «Только не сразу. Сейчас он меня даже слушать не станет». И вот сейчас я смотрю на тебя, Сережа, и понимаю, что ты изменился, значит, время пришло. — С этими словами Соня поднялась из-за стола. Но перед тем как выйти из кухни, остановилась:

— Только ты мне честно скажи, Сережа, ты его простил?

Я молчал, размышляя. Это был самый трудный вопрос за весь разговор. Ведь я не имею права прощать Пашку от имени Наташи и не могу говорить от имени прежнего Сереги Епиходова. А лично мне он ничего плохого не сделал. Поэтому я опять попытался ответить обтекаемо:

— Не уверен, имею ли я право его прощать. Но ненавидеть больше не хочу.

Соня закрыла глаза и кивнула. Затем с тяжким вздохом ушла в комнату. Некоторое время ее не было. А затем она вернулась. В руках она держала небольшую коробочку. Соня ее открыла и достала оттуда маленькую штучку. Это была старая флешка, пластиковый корпус ее растрескался, а металлический разъем был слегка погнут.

Соня осторожно положила ее передо мной на стол, словно великую драгоценность:

— Вот, Паша просил тебе передать.

Я осторожно взял флешку.

— А что там, Софья Леонидовна?

Соня посмотрела на меня и пожала плечами:

— Не знаю, Сережа. Она сломана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.